

РОЖДЕННЫЕ В КРОВИ

ХРОНИКИ
МАФИИ

18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАТЬ

СВЯЗАННЫЕ ПРОШЛЫМ

КОРА РЕЙЛИ

254,2 МЛН. ПРОСМОТРОВ В ТИКТОК С ХЭШТЕГОМ #КОРАРЕЙЛИ
85,8 МЛН. ПРОСМОТРОВ С ХЭШТЕГОМ #ХРОНИКИМАФИИ

переведена на 7 языков

Кора Рейли

Связанные прошлым

Серия «Хроники мафии.

Рождённые в крови», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68999473

К. Рейли. Связанные прошлым:
ISBN 978-5-17-148637-2

Аннотация

Чтобы быть хорошим лидером, тебя должны бояться и уважать, поэтому надо быть безжалостным и жестоким. Таким, как Данте Каваларро.

Предательство – это худшее, что может совершить член мафии, любое предательство карается смертью.

Но наступил день, когда он сам предал, нарушил клятву, в которой давал обет ставить Семью на первое место. У Данте имеются секреты и слабость, которые заставили бы всех его людей усомниться в его лояльности.

У этого жестокого человека, возможно, и есть сердце, но лишь немногим избранным выпадает шанс об этом узнать. Остальные? Что ж, они умрут.

В день свадьбы Валентина поклялась быть рядом с Данте и в горе, и в радости, дарить ему свою любовь, невзирая ни на

что. Но хватит ли ей сил, чтобы справиться со всеми бедами и проблемами, обрушившимися на их семью?

И не разрушит ли предательство Данте все, что он поклялся защищать?

Содержание

Примечание автора	6
Пролог	7
Первое предательство	9
Второе предательство	44
Третье предательство	58
Часть первая	59
Часть вторая	77
Часть третья	95
Часть четвертая	101
Часть пятая	109
Часть шестая	125
Часть седьмая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Кора Рейли

Связанные прошлым

Copyright © 2020 Cora Reilly.

Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

* * *

Примечание автора

Эта книга не является самостоятельным произведением. Тем не менее, вам стоит (как минимум) прочитать книгу под названием *«Связанные долгом»*, прежде чем начинать читать *«Связанные прошлым»*. Также рекомендуем заранее прочитать книги *«Связанные честью»*, *«Связанные долгом»*, *«Связанные ненавистью»*, *«Связанные искушением»* и *«Связанные любовью»*, а также *«Извращенная преданность»* и *«Извращенная гордость»*, потому что в этом романе будут спойлеры из всех вышеупомянутых произведений.

Пролог

Данте

Предательство карается смертью.

Я убил множество людей, потому что они предали наше дело, потому что они предали Синдикат. Лицемер, лжец, убийца – вот кем я был. Дон. Босс. Судья, решающий, кому жить, а кому умереть.

Вот почему я все еще был здесь, а не умер за свои преступления, за свое предательство.

Я предал Синдикат пять раз. Я поклялся на крови, что буду верен своему делу, поклялся в верности своей жизнью, пообещал ставить интересы Синдиката на первое место. Превыше всего остального.

Но пять раз я ставил интересы женщины превыше блага Синдиката. Я обманул своего отца. Нарушил клятву. Предал своих людей.

Некоторые Доны почитали себя превыше закона, превыше неудач. Они не могли предать дело, потому что они *сами его вершили*. Они не могли потерпеть неудачу, потому что они не знали неудач. Я же не разделял подобных убеждений.

И все же мои предательства остались безнаказанными, по крайней мере, я не заплатил за них по законам нашего мира. Но за каждое предательство я расплачивался очередным предательством. Я предал и был предан. Правосудие в чи-

стом виде.

Что посеешь, то и пожнешь.

Моя жизнь была историей предательства. В конце концов, мне пришлось бы пойти на жертвы, которые могли стоить мне всего, что у меня есть, если бы я хотел сохранить то, что значило для меня очень много.

Первое предательство

Данте девятнадцать лет

Данте

Приглушенные всхлипы заставили меня остановиться посреди коридора. Рыдания доносились из библиотеки. Я пошел на звук и открыл тяжелую деревянную дверь. Инес сидела в кресле в своем любимом уголке для чтения с книгой на коленях, но я сомневался, что она могла разглядеть хоть одну букву на страницах раскрытой книги. По ее щекам струились слезы.

Моя сестра не была плаксой. Ни разу не видел, чтобы она плакала, за исключением нескольких случаев, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Наш отец учил нас подавлять любые эмоциональные всплески.

Инес посмотрела на меня своими голубыми глазами, ее тело напряглось, но она расслабилась, когда заметила, что это я.

– О, это ты!

Она быстро вытерла слезы, избегая встречаться со мной взглядом. Я закрыл дверь, прежде чем подойти к ней и опуститься на маленький пуф, на который она по обыкновению клала ноги во время чтения.

– Что стряслось? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос при этом звучал спокойно, даже несмотря на внутреннее

волнение.

Тяжело сглатывая, она шелестела страницами книги.

– Отец выбрал того, за кого меня выдадут замуж.

Инес было шестнадцать лет, так что пора было принимать это решение. Отец откладывал его так долго лишь потому, что это давало ему определенные рычаги давления. Дрожь в голосе Инес только усилила мое беспокойство.

– Пьетро просил твоей руки.

Если отец выбрал его, тогда это был хороший выбор. Он был тихим, сдержанным молодым человеком, который демонстрировал свою темную сторону только в случае крайней необходимости. Мы были с ним в этом похожи. У меня было ощущение, что будучи женатым человеком, он будет также сдержан.

Инес кивнула, а затем бросилась ко мне. После секундного замешательства я обнял ее за плечи.

– Инес, скажи мне, в чем дело. *Сейчас же.*

– Он отдает меня Якопо Скудери!

Мое тело напряглось.

– Что? – гневно зарычал я.

Инес всхлипнула, ее слезы пропитали воротник моей рубашки и шею. Она не переставала дрожать и трястись. Я никогда не видел ее такой, но, учитывая то, что она рассказала, такая реакция казалась ожидаемой.

В прошлом мы с Якопо часто работали вместе, и моего мнения не спрашивали. Отец хотел, чтобы я работал со

Скудери, поскольку они были сыновьями его Консильери¹, но я не испытывал к Якопо ничего, кроме ненависти. Он был жестоким, мстительным существом, получающим удовольствие от унижения людей, которых он почитал ничтожеством. Это касалось женщин, подчиненных, находящихся под его непосредственным руководством, тех кто был ниже его, и даже его младшего брата. И хотя я был не менее жестоким и мстительным, чем он, я не находил удовлетворения в унижении других, а женщин тем более.

Несколько раз, когда меня заставляли наведываться в один из принадлежащих нам борделей, я воочию видел то, что Якопо считал забавным. Еще больше ужасных историй я слышал от его младшего брата Рокко, когда тот напивался и не мог заткнуть свой большой рот. Якопо был садистом, как в постели, так и во всех прочих отношениях. Я и представить себе не мог, известно ли Инес о степени его морального разложения, и все же она понимала, что он был худшим для нее вариантом.

Подавив ярость, я спросил:

– Ты уверена, что все уже решено? Отец мне ничего не говорил.

Инес отпрянула назад, ее взгляд был наполнен страданием.

– Все решено. Он сказал мне сегодня утром, сразу после

¹ *consigliere* (итал.) – советник семьи, человек, которому капо может доверять и к советам которого прислушивается. Здесь и далее прим. переводчика.

встречи со Скудери.

Я кивнул, понимая, почему отец сделал такой выбор. Все потому, что я отказался жениться на ком-либо, кроме Карлы. Я бросил ему вызов, и он понял, что он не сможет принудить или наказать меня, поэтому, в конце концов, уступил требованию своего Консильери. Отец знал, что за люди Скудери. Он знал, что за человек Якопо, и все же отдал Инес ему. Он не раз ставил судьбу моей сестры на карту.

Я осторожно коснулся плеча Инес.

– Я поговорю с ним. – Он не изменит своего решения. Он дал Скудери слово, – прошептала она, а ее плечи начали сотрясаться от новых рыданий.

Я встал и вышел. Инес была трофеем для Якопо. Он и его отец уже много лет упрашивали отца выдать ее замуж за Якопо.

Я направился в кабинет отца, стараясь сохранять спокойствие. Ничто так не бесило отца больше, чем мое умение оставаться внешне равнодушным, когда он пытался вывести меня из себя. В последние годы произошла постепенная смена власти. Он больше не мог наказывать меня, причиняя боль. После стольких лет, когда я уже отупел от нее! Я постучал в его дверь, костяшки пальцев заняли от силы удара. Мне очень хотелось ворваться и потребовать ответа, но отец все еще был Доном, хозяином этого дома и ожидал уважения от всех окружающих.

– Войдите, – произнес отец.

Я натянул на лицо маску спокойствия и вошел. Было бы неразумно давать отцу оружие против меня. Бросил взгляд на отца, который сидел в кресле и просматривал свой календарь. Мы были с ним очень похожи (люди постоянно подчеркивали это сходство). Те же холодные голубые глаза, светлые волосы и отстраненный взгляд. Каждое утро, просыпаясь, я клялся себе, что стану лучше. Лучшим Доном. Лучшим мужем. Лучшим отцом.

– Пытаюсь решить, когда нам сыграть обе свадьбы. Свадьбу твоей сестры будем праздновать в следующем году, а твою – через год.

Он поднял на меня глаза. Его губы искривила расчетливая улыбка. Инес была слишком молода для замужества.

– Или ты предпочитаешь подождать еще пару лет, прежде чем жениться? Тебе всего девятнадцать. Через пару лет будет двадцать один. Может быть, тебе нужно еще немного времени, чтобы вдоволь нагуляться.

Карле через два года исполнится девятнадцать. Она на год старше Инес, и было бы несправедливо заставлять ее ждать, да я и не хотел этого. Я хотел Карлу.

– Нет. Я не собираюсь ждать. – Я сделал паузу. – Но я пришел не для того, чтобы обсуждать свою свадьбу.

Отец склонил голову с притворным любопытством.

– Тогда зачем ты здесь?

Ему было прекрасно известно, зачем я пришел. Подавив раздражение, я сказал:

– Хотел обсудить с тобой брак Инес. Якопо – не тот человек, которого нам стоит принимать в свою семью.

– Он сын моего Консильери и твоего будущего Консильери, это ожидаемый союз. Скудери ждали именно Инес. К тому же, Якопо очень хочет жениться на твоей сестре. До сих пор он отказывал каждой женщине, которая претендовала на его свободу. Рокко уже женат и наверняка скоро обзаведется наследником. Якопо заслуживает награды за свое терпение.

Я не упомянул, что у Рокко уже было две дочери. Для моего отца девушки ничего не стоили, поэтому он относился к Инес, как к трофею, который можно передавать из рук в руки. Я покачал головой.

– Он слишком стар для Инес, отец. И его репутация оставляет желать лучшего. Может быть, до тебя не доходили слухи, но я достаточно долго работал с Якопо бок о бок, поэтому знаю, что он садист и психопат. Ты не можешь допустить, чтобы Инес оказалась в его власти.

Отец посмотрел на меня так, как будто я ничего не смыслил в жизни.

– Если Инес будет подчиняться ему, с ней все будет в порядке. Каждый из нас должен идти на жертвы. Она должна гордиться тем, что отдана человеку его статуса.

Я посмотрел на него, понимая, что он не позволит мне отговорить себя.

– Ты совершаешь ошибку.

Он поднял палец.

– А тебе не следует забывать, где твое место, Данте. Ты мой наследник, это верно, но я все еще Дон Синдиката и пока что хозяин этого дома.

Мне пришлось сдерживать гнев. Мне стоило подходить к этому вопросу с умом. Спор с отцом ничего бы не изменил. Я коротко кивнул.

– Завтра ты работаешь с Якопо и Рокко. И тебе стоит поздравить Якопо.

– Всенепременно, – процедил я сквозь зубы.

* * *

Позже в тот же день Пьетро позвонил мне и попросил о встрече. Я знал, о чем пойдет речь. Учитывая склонность Якопо хвастаться всем подряд, он, скорее всего, рассказал всем о своей помолвке с Инес.

Мы встретились в баре одного из наших лодочных казино, чтобы пропустить по стаканчику. Поставив передо мной бокал, бармен держался на приличном расстоянии, чувствуя мое мрачное настроение.

Пьетро был примерно на два года старше меня и в настоящее время работал в Чикаго. Через несколько лет он должен был получить от своего отца должность заместителя Дона Миннеаполиса. Я потягивал свой виски, когда он опустился на табурет рядом со мной, жестом попросив бармена налить ему то же самое, что и мне.

Я взглянул на него. Его рубашка была помята, а темные волосы растрепаны. Как только стакан оказался перед ним, он схватил его и осушил одним махом. Затем одарил меня мрачным взглядом.

– Не дай Якопо заполучить Инес, Данте.

Я крутанул стакан на стойке бара. Пьетро дважды просил руки Инес. Как будущий заместитель Дона Миннеаполиса, он был хорошим вариантом. Он был старше ее всего на шесть лет, а не на двенадцать, как Якопо, и, что самое важное, он не был садистом.

– Зачем тебе Инес? – устало поинтересовался я у него.

Он нахмурился.

– Потому что я уважаю ее. Несмотря на свой возраст, она знает себе цену. Она гордая, элегантная и красивая.

– И хорошая пара.

С этим утверждением не поспоришь. Каждый мужчина в наших кругах, который хотел Инес, наверняка думал о том, что брак с ней укрепит его положение в Синдикате.

– Естественно, и это тоже. Моя семья хочет союза с вашей семьей. Но с тех пор, как мне довелось пригласить Инес на танец несколько месяцев назад, я понял, что хочу, чтобы она стала моей женой.

Пьетро схватил меня за руку, заставляя посмотреть на него. Искренняя озабоченность во взгляде удивила меня. Это была не любовь. Он недостаточно хорошо знал Инес для того, чтобы полюбить, но она явно была ему небезразлична.

– Данте, нам-то с тобой известно, что за человек Якопо.

Да, все знали, каким человеком был Якопо. Он получал удовольствие от пыток, и ему нравился тот прилив сил, который они дарили, особенно если имел дело с предателями или врагами. Но Якопо наслаждался процессом на уровне, схожем с сексуальным удовлетворением, что не сулило ничего хорошего для женщины в браке.

Я наклонил голову, пытаюсь подавить ярость, накрывшую меня.

– Как ты можешь быть таким спокойным? Как ты можешь не впадать в ярость?

Я чуть было не рассмеялся. Моя ярость была заключена глубоко внутри, где она оставалась до тех пор, пока я не решал выпустить ее на волю. Потребовались годы, чтобы отточить искусство носить маску человека, который неспособен проявлять эмоции. Но теперь я был непробиваемым, словно сталь.

– Мой отец – Дон. Ты знаешь, что это его решение, а не мое.

Пьетро бросил на меня взгляд, полный ярости.

– Но ты не одобряешь это решение.

– Естественно. А как же иначе? Инес – моя сестра, – просто ответил я. Я не мог сказать ничего больше прилюдно, даже несмотря на тот факт, что Пьетро мне нравился.

– Ты можешь отстраненно наблюдать, как ее отдают такому чудовищу?

– Якопо самоуверен и высокомерен. В конце концов, это рано или поздно может привести его к смерти.

Пьетро заказал себе еще один стакан, пока я все еще крутил в руках свой первый. Мне никогда не нравилось напиваться. Потеря контроля и какого-либо рода ограничения вызывали у меня стойкое отвращение.

– В конце концов, для Инес может быть слишком поздно. Я допил свой виски.

– Они пожениятся только следующим летом...

– Следующим летом? Ей исполнится семнадцать. Разве они не могут подождать, пока она достигнет совершеннолетия?

Бармен протянул бутылку, но я покачал головой. Мне не хотелось пить.

– Один год – это долгий срок, Пьетро.

Он пристально посмотрел на меня. Он заглянул мне в глаза, пытаясь уловить смысл моих слов. Я бы не стал говорить с ним еще более откровенно.

– Ты можешь доверять мне. Я могу помочь.

Я лишь холодно улыбнулся ему, ничего не сказав. Я бы не стал раскрывать ему свои секреты или делиться с ним подробностями. Пьетро был одним из немногих людей, которым я в какой-то степени доверял, но определенно не настолько, чтобы рассказать ему больше, чем это было необходимо в данной ситуации.

– Мне не нужна твоя помощь.

Рокко и Якопо ждали у машины, когда мы с Энцо подъехали. Якопо одарил нас широкой улыбкой, задрал голову еще выше и выпятив грудь. Я резко кивнул ему и его брату в знак приветствия. Если бы я сейчас произнес хоть слово, оно и близко не походило на ту холодность, которой я был известен в наших кругах. Энцо пожал им руки, но по тому, как он надулся, когда только дотронулся до ладони Якопо, было очевидно, что он о нем думает. Якопо мало кому нравился. И я не доверял людям, которые симпатизировали ему.

Не говоря ни слова, я скользнул на заднее сиденье. Энцо по обыкновению сел за руль.

– Садись сзади, Пострел, – сказал Якопо Рокко, у которого покраснели уши. Раньше его он весь становился красный, как рак, но с годами научился сдерживать эмоции.

Рокко опустил рядом со мной, молча, но пристально глядя в затылок брата. Их вражда выходила за рамки соперничества, характерного для братьев и сестер. То была чистейшая ненависть.

– Почему ты до сих пор зовешь его так? – поинтересовался Энцо низким голосом, заводя машину.

– Разве я не рассказывал вам эту историю?

– Ты неоднократно рассказывал ее всем, – тихо заметил Рокко.

Я стиснул зубы.

– И то правда.

Якопо скорчил жесткую ухмылочку в зеркале заднего вида.

– Это чертовки классная история, чтобы ее можно было так просто забыть.

Когда они прилепили Рокко эту кликуху, меня там не было. Но эта история до сих пор на слуху, в основном благодаря тому, что Якопо вновь вспоминал ее, как только о ней забывали. Рокко было четырнадцать лет, когда Якопо вместе со своими не менее развратными друзьями впервые отвели его в бордель. Якопо приказал двум танцовщицам очень ритмично станцевать свой танец у Рокко на коленях, отчего тот кончил прямо в штаны. Естественно, на этом унижения Рокко не закончились. Затем Якопо и его друзья заставили Рокко раздеться, намазать сперму на крекер и съесть его. Возможно, они придумали бы еще массу способов поиздеваться над ним, если бы не вмешался Джованни Ареско, наш Заместитель Дона здесь, в Чикаго.

– Перед нами стоит определенная задача, на выполнении которой мы должны сосредоточиться. У нас нет времени заикливаться на прошлом, – отрезал я, и всю оставшуюся дорогу мы ехали молча.

Энцо припарковался в квартале от здания фабрики и вместе с Рокко отправился на разведку. Мой отец не одобрял того, что я лично участвую в нападениях, но я настаивал. Тем

не менее, мне редко это позволяли.

В тот момент, когда мы с Якопо остались одни и стояли, прислонившись к машине, он вздохнул и улыбнулся так, что можно было предположить, что он не знает, зачем люди улыбаются, но, тем не менее, перенял этот навык.

– Твой отец заставил меня долго ждать. Даже мой брат уже женат, а женитьбу на твоей сестре я превкушаю вот уже несколько лет. Но Инес оправдывает мое ожидание, я уверен.

Его улыбка стала более мрачной, похабной.

Вскипевшая ярость прорвала мою стальную броню. Я ударил его локтем в горло. Мой нож был прямо под курткой. Один удар – все, что требуется, чтобы спасти Инес от жестокой судьбы – судьбы, которой не заслуживает ни одна женщина.

В глазах Якопо мелькнули вызов и страх.

– Ты хочешь порешить меня из-за какой-то манды?

Я крепче сжал руки. Один удар, и мои руки будут покрыты его кровью. И это будет приятно, гораздо приятнее, чем любое убийство до этого.

– Осторожно, – тихо произнес я. – Эта манда – моя сестра, и тебе следовало бы вспомнить, что через несколько лет я стану твоим Доном. Так что прояви уважение.

– А я буду твоим Консильери. Так было всегда. Наши отцы – друзья. Ты не сможешь убить меня.

Это было правдой. Пока жив мой отец, я не мог убить Якопо, и даже после его смерти такой поступок было бы трудно

объяснить моим людям. Скудери – фамилия, которая имела вес, их семья принадлежала Синдикату. Они были лояльны. Чтобы избавиться от одного из них, нужна была веская причина, а защита сестры от изнасилования и пыток супруга таковой не считалась. От одной мысли о том, что Инес придется страдать от садистских наклонностей Якопо, моя кровь кипела.

Я отпустил его. Всю свою жизнь я стремился стать Доном, пойти по стопам отца. Мне на роду было написано править Синдикатом, и я это сделаю. Ничто не остановит мое восхождение к власти, и уж тем более Якопо Скудери. Я посмотрел на него с холодной улыбкой.

– Я не стану убивать тебя. Ты прав.

Его улыбка стала торжественной. Он был уверен в своей безнаказанности. Раздались шаги. Из-за угла появились Рокко и Энцо, закончившие разведку местности.

– Все чисто? – спросил я.

Они кивнули, и я дал команду атаковать. Как и предполагалось, мы обнаружили шесть солдат Братвы внутри здания фабрики, охранявших последнюю партию наркотиков. Мы разделились на пары по два человека, стараясь уничтожить наших противников как можно быстрее. Мы с Якопо оказались на маленьком складе с тремя солдатами Братвы более высокого ранга, а Рокко и Энцо занялись остальными на основном складе.

Положив первого противника, я спрятался за ящиком

неподалеку от своей следующей цели. Якопо держался ближе к двери, слева, и расправлялся с третьим солдатом.

Я заметил, что мой противник начал нервничать и проявлять нетерпение. Он не целился и все время поднимал голову, чтобы посмотреть в сторону двери в поисках пути к отступлению. Неужели он действительно рискнет прорываться? Это было бесполезно.

Я спокойно прицелился, я был тверд, просто ждал, когда он совершит следующую ошибку. Наконец он снова поднял голову, и я послал ему пулю в голову. Он упал боком, выронив свой пистолет. Его мозги были повсюду.

Якопо все еще вел перестрелку со своим противником. Мой взгляд привлек пистолет убитого мной русского. Я вытащил из куртки одну из своих кожаных перчаток и надел ее, прежде чем поднять ствол. Затем я поднял свою собственную «Берретту» и выстрелил из нее в последнего солдата Братвы. Якопо обернулся с торжествующей ухмылкой, которая померкла, когда он увидел, что я направил на него пистолет русского.

— Брак с тобой не то, что нужно моей сестре.

Он поднял пистолет в тот же самый момент, что я нажал курок. Пуля пробила левый глаз. Его голова откинулась, а тело отбросило назад. На мгновение воцарилась гробовая тишина, от которой жутко звенело в ушах.

Это было предательство! Я убил солдата Синдиката. Человека, который был предан делу, моему отцу, Синдикату.

Резкий вдох со стороны двери заставил меня поднять глаза и посмотреть туда, где стоял Рокко Скудери. Мне хватило одного взгляда, чтобы по выражению его лица понять, что он стал свидетелем того, как я убил его брата. В течение нескольких мгновений никто из нас не двигался. Я все еще направлял пистолет в сторону Якопо.

Выражение лица Рокко менялось. Сперва шок, потом... колоссальное облегчение.

Рокко выглядел так, словно он в экстазе от того, что его старший брат мертв. Они не испытывали друг к другу братской любви, но это нескрываемое проявление радости стало для меня неожиданностью. Я направил пистолет прямо в лоб Рокко, но его это, похоже, не волновало. Широко раскрыв глаза, он подошел ближе к мертвому брату, на его лице играла тревожная улыбка. Он плюнул на труп, затем несколько раз сильно пнул его ногой.

Я медленно опустил пистолет, сощурившись от столь эмоционального проявления.

– Видишь! Видишь! Ты получил то, что заслужил! – неистово приговаривал он, его лицо при этом было красным и потным. – Наконец-то получил!

Тяжело дыша, он повернулся ко мне. Мой пистолет по-прежнему был направлен на него, и я решал, могу ли я рискнуть и убить еще и его.

Рокко Скудери не был хорошим человеком, но он был таким же преданным, как и его брат, может быть, даже более

преданным, чем его брат. К тому же он не потворствовал садистским наклонностям своего брата, по крайней мере, не демонстрировал этого открыто. До сих пор.

Взгляд Рокко упал на пистолет в моей руке, пистолет, принадлежавший русскому, который оборвал жизнь его брата, и понял, что его жизнь тоже может оборваться.

– Я никому не скажу, – произнес он.

Я подошел к нему вплотную, перешагивая через мертвого русского. Я не сводил глаз с Рокко.

– Не скажешь? – холодно спросил я. – Долг чести диктует тебе рассказать отцу правду о том, кто убил его наследника, твоя клятва обязывает тебя раскрыть любое предательство Синдиката твоему Дону, моему отцу.

Рокко оскалился, в его взгляде промелькнула неприкрытая ненависть.

– Я хотел, чтобы он сдох, сколько себя помню. Я бы сам его убил. – Он покачал головой. – Я благодарен тебе за то, что это сделал ты. Всегда буду благодарен тебе, Данте. Я унесу этот секрет с собой в могилу, клянусь.

– Почему?

Я остановился в нескольких шагах от него, не опуская пистолет.

– Потому что ты подарил мне все, чего я когда-либо желал. Якопо мертв, а я буду Консильери.

Я наклонил голову.

– Верно. Со временем ты станешь преемником отца.

Рокко нахмурился.

– Если он позволит. Якопо ведь был его любимым сыном. Мозг Якопо был разбрызган по голому бетонному полу.

– Я просто не могу никому доверить секрет такого масштаба, ты, конечно же, это понимаешь.

Взгляд Рокко стал бешеным. Мысли отчаянно крутились у него в голове. Он приблизился на шаг ко мне, я же поднял пистолет повыше.

– Данте, я собираюсь дать отцу яд. Такой, который будет трудно обнаружить, если не проводить исследование намеренно. Такой, чтобы его смерть была похожа на сердечный приступ. У него уже случался сердечный приступ, и вполне естественно, что, узнав о том, что его наследник, его любимый сын жестоко убит каким-то ублюдком из Братвы, он сляжет с очередным приступом. Ты убедишь Дона, что меня подкосила смерть моего отца, которая произошла по естественным причинам, а я сделаю так, чтобы все поверили, что моего брата убили наши враги. Таким образом, я не единственный, кто будет хранить секрет.

У Рокко был потенциал, чтобы стать полезным Консильери, причем куда больший, чем у Якопо. Его отец был немногим лучше Якопо и слишком сильно повязан с моим отцом. Если бы я хотел постепенной смены власти, мне пришлось бы менять ключевых игроков сейчас. Убийство Рокко вызвало бы подозрения и оставило бы меня один на один со Скудери-старшим на десятилетие или дольше. Мне нужно было

сократить сферы влияния моего отца сейчас, причем сделать это незаметно, но эффективно.

– Выжди неделю или две. Пусть он умрет после похорон. Рокко кивнул, на его лице читалось облегчение.

– Спасибо, Данте. Ты не пожалеешь об этом. Я буду верным Консильери, если считаешь, что я тебе нужен.

– Ты станешь Консильери, когда я заявлю о своих правах на власть. Это я тебе обещаю.

Я сделал паузу.

– Но если ты еще раз упомянешь о произошедшем, я закончу то, что не доделал сегодня. В любом случае ты унесешь этот секрет с собой в могилу.

– Я буду нем, как рыба.

Рокко смотрел на меня с восхищением и уважением. Я не мог обнаружить в его поведении и тени обмана. Я опустил пистолет и положил его обратно рядом с русским.

– Тебе нужно немного сдвинуть его в сторону под правильным углом, – сказал Рокко.

Он был прав. Я перетащил русского влево, затем засунул перчатку обратно в карман. Рокко удовлетворенно кивнул.

Энцо ворвался внутрь. Его взгляд остановился на Якопо.

– Черт. Эти ублюдки добрались до него?

Я кивнул.

– Его сразила пуля русского. Мы должны отомстить за него. Братва должна заплатить кровью, – твердо сказал я.

Рокко мрачно улыбнулся.

– Они заплатят за убийство моего брата.

Совместная ложь. Я не доверял Рокко, но верил в его ненависть к брату и желание стать Консильери. И то, и другое заставят его молчать. До поры до времени.

За одним предательством всегда следовало другое. Прошли годы, прежде чем я осознал это.

* * *

После встречи поздним вечером с моим отцом, стариком Скудери и нашими Капитанами я, наконец, поднялся в свою комнату. Я не был уверен, действительно ли отец поверил, что Якопо застрелили так скоро после того, как я узнал, что он должен был жениться на Инес. У меня было ощущение, что он знал о моем предательстве, но предпочел проигнорировать его. Или, может быть, он учтет это на будущее. Я не был уверен в его мотивах. У него был только один наследник – я, и они с матерью были слишком стары для того, чтобы обзаводиться другими детьми.

Он был связан со мной, как и я был связан с ним, если хотел сохранить уважение Синдиката. Отцеубийство не было принято в наших традиционных кругах.

По пути в свою спальню я остановился перед дверью Инес. Я постучал костяшками пальцев по дереву.

– Это ты, Данте?

– Да, – ответил я.

– Входи.

Я толкнул дверь, проскользнул внутрь и закрыл ее. Инес стояла перед окном, уже одетая в ночную рубашку, ее длинные светлые волосы ниспадали по спине. В голове промелькнули отвратительные слова Якопо о том, что он с ней сделает, а затем мрачное удовлетворение от того, что он никогда не коснется моей сестры.

– Хотел сказать тебе... – произнес я, но запнулся, когда Инес повернулась ко мне. Она знала, что Якопо мертв. На ее лице светилось выражение абсолютного облегчения. – Тебе не следует подслушивать то, что обсуждается на собраниях, Инес. Отец накажет тебя.

Отец ожидал, что я тоже накажу ее, но я не стал этого делать. Я не стал бы бить ее или причинять ей боль каким бы то ни было способом. Он никогда не пытал ее так, как меня, но он бил ее и обращался с ней, как с младшей. Мой отказ поступать с ней точно также приводил его в бешенство.

Инес бросилась ко мне, заключив меня в крепкие объятия.

– Я так счастлива, так счастлива, что он мертв! Это ужасно, что я радуюсь такому, но я правда рада. Я могу плясать от радости. Я молилась каждый день с тех пор, как узнала о браке, чтобы он умер, и теперь мое желание исполнилось. Я знаю, что это был ты. Я знаю, что ты убил его, чтобы он не смог причинить мне боль.

– Инес, – предупредительно прошипел я. – О чем ты го-

воришь?

Она подняла на меня свои голубые глаза, полные благодарности.

– Я знаю, что это был ты. Не лги мне. Я знаю, что ты сделал это, чтобы спасти меня от него.

Я ничего не сказал, потому что Инес слишком хорошо меня знала. Что бы я ни сказал, это не изменит ее мнения.

– Спасибо, что спас меня. Спасибо тебе, Данте. Спасибо, спасибо, спасибо!

Ее глаза снова наполнились слезами, а мое сердце сжалось. Она прижалась лбом к моей груди, испустив вздох и вся дрожа.

– Спасибо тебе, что убил его.

– Инес, – прохрипел я. – Тссс. Никто не должен знать. Якопо был убит Братвой, ясно?

Она отстранилась, мягко улыбаясь.

– Карле так повезло, что она станет твоей женой. Если бы она только знала, насколько ты благороден, она бы перестала так переживать.

Мои брови сошлись на переносице.

– Карла переживает по поводу того, что станет моей женой?

Инес и Карла были подругами столько, сколько я себя помнил, поэтому я был знаком с Карлой, несмотря на ее низкий статус второй дочери Капитана, как любил подчеркивать мой отец. То, что они обсуждали меня за моей спиной, не

нравилось мне. Я начал замечать Карлу только год назад, когда отвез ее домой после того, как она побывала у нас в гостях. Вообще-то это было не принято, но Инес неважно себя чувствовала. Тридцатиминутная поездка в час пик располагала к неспешной беседе, а ее мягкий убаюкивающий голос, когда она говорила со мной о таких обыденных вещах, как вышивание или приготовление пищи, успокаивал меня. Несмотря на то, что я был спокоен внешне, внутри я всегда был напряжен. Я начал обращать на Карлу более пристальное внимание. Она была красива, но очень застенчива, естественно покорна, добра и религиозна, почти благочестива. Она была хорошей в том смысле, в каком я стремился быть каждое утро, когда клялся не стать таким, как мой отец, хотя уже за завтраком я не мог быть таким, каким хотел. Все потому, что уже за завтраком я помышлял о том, как убрать старика, не потеряв уважения людей Синдиката. Если кто-то и мог пробудить во мне что-то хорошее, то это могла сделать только такая женщина, как Карла.

Инес улыбнулась.

– Тебя трудно понять, и, откровенно говоря, ты пугаешь людей, которые тебя не знают, то есть всех, кроме меня.

– Она согласилась выйти за меня замуж.

– Ее отец согласился, и любой Капитан был бы безумцем, если бы не согласился. Любой мечтает выдать свою дочь замуж за будущего Дона Синдиката.

Я напрягся.

– Если Карла не хочет меня...

– Я этого не говорила.

– Тогда что ты хочешь сказать, Инес? Отвечай!

Она опустила руки, ее улыбка померкла.

– Не надо... – Она сглотнула. – Не говори, как он. Ты пугаешь меня, когда так говоришь.

Я выдохнул и слегка коснулся ее руки.

– У тебя нет причин бояться меня, как и у Карлы. Но мне нужно знать, если она не хочет выходить за меня замуж, если я ей не нравлюсь.

Инес покачала головой.

– Конечно, Карла хочет выйти за тебя замуж. Ты нравишься почти всем девушкам, даже если делаешь вид, что не замечаешь этого. Твоя отстраненность сводит их с ума. Ты бы слышал все те слухи, что ходят вокруг тебя. Это так грустно! Даже Карла иногда попадает на их удочку.

– Какие слухи?

Инес прикусила губу.

– Я бы предпочла не говорить тебе.

– Инес, – твердо сказал я.

– Честно, – сказала Инес, покраснев, – я бы предпочла не обсуждать их с тобой.

– Мне нужно знать, какие слухи ходят обо мне, особенно если Карла на них ведется.

Инес отвернулась.

– Ходят слухи, что ты настолько одержим работой и тебе

настолько чужды человеческие эмоции, что тебе не нужна физическая близость, поэтому некоторые люди считают, что ты...

Инес сморщилась. Я приподнял брови.

– Что ты девственник. Карла вообще-то спросила меня, не бережешь ли ты себя до брака.

Я уставился на сестру. Ее щеки покраснели. Она прикрыла рот ладонью и рассмеялась, зажмурившись от удовольствия. Ее плечи задрожали.

– Прости.

Это было весьма характерно для представителей нашего общества, особенно для наших женщин. Они пытались сочинять обо мне небылицы, чтобы выставить меня эдаким героем, о котором стоит грезить, в то время как я был кем угодно, только не святым.

– Знаю, что ты не такой, как о тебе говорят, и именно это я сказала Карле...

– Знаешь?

Я наклонил голову и сощурился. Хотя мне было не совсем удобно обсуждать секс с сестрой, ее уверенность заинтриговала меня. Она моргнула, убрав руку ото рта.

– Так это правда?

Она была явно шокирована, и уголок моего рта дернулся. Я бросил на нее взгляд, и выражение ее лица сменилось замешательством.

– Ты разыгрываешь меня.

Конечно, я ее разыгрывал, но было приятно видеть ее реакцию. Она покачала головой.

– Ты не можешь быть... С чего бы тебе им быть? Если бы я могла выбирать и даже получать от этого удовольствие, как это делают мужчины, то я бы не стала ждать. – Ее глаза расширились, и она добавила:

– Конечно, я буду ждать. Ты знаешь, что буду. Это не то, от чего бы я с нетерпением избавилась.

Она скорчила гримасу и повернулась ко мне спиной.

– Мне очень жаль. Но тебе пора идти.

Я коснулся ее плеча.

– Инес, успокойся. Я все понимаю. Ты не должна бояться того, как я среагирую. Я не отец.

Она медленно кивнула и подняла голову. Я чувствовал себя обязанным рассказать ей хоть толику правды.

– Ты права: я не берегу себя до брака. Даже если бы я хотел, в наших кругах это не принято. Мой первый опыт произошел не по моему выбору, и он мне не понравился. По традиции наш отец, как и все отцы в Синдикате, отвел сына в бордель и заплатил за его первую женщину. Я был очень молод и предпочел бы выбрать женщину сам.

Инес медленно повернулась ко мне, на ее лице появилось сочувственное выражение.

– Не жалея меня. Ты права: как мужчина, я имею возможность нагуляться до брака, но брак не означает, что ты тоже не будешь наслаждаться близостью. Пьетро – хороший чело-

век.

– Данте! – Инес заплакала и указала на дверь. – Теперь тебе и правда стоит уйти.

Я направился к двери, а она последовала за мной. Она крепко вцепилась в край двери, когда закрывала ее. А затем ее лицо ненадолго показалось в образовавшейся щели.

– Отец разрешит мне выйти замуж за Пьетро?

– Ты хочешь выйти замуж за Пьетро?

– Он симпатичный, – сглотнула она. – Он хороший человек?

Он был мафиози.

– Он будет добр к тебе.

– Тогда я хочу выйти за него замуж.

Я кивнул.

– Выйдешь.

* * *

После завтрака я зашел в кабинет к отцу. Мать тоже была там. Она стояла, заломив руки.

– Люди считают это плохой приметой.

– Что люди считают плохой приметой? – спросил я, входя в кабинет.

– То, что Якопо скончался так скоростижно после того, как твой отец согласился отдать Инес ему в жены. Она может быть проклята.

Суеверность матери поразила меня. Отец посмотрел на меня пронзительным взглядом.

— Для проклятия, как минимум, требуются Высшие силы, которые поспособствовали бы кончине Якопо, но не Бог поразил его, верно, Данте?

— Верно. Братва не похожи на Посланников небесных, как и мы, впрочем.

Улыбка отца была жесткой, а его глаза, напоминавшие глаза рептилии, пристально смотрели на меня.

— Я беспокоюсь... — начала было мать.

— Беспокойся о нарядах и схемах для вышивания, а не о вещах за пределами твоего понимания, — сказал отец.

Мать кивнула и поспешно удалилась.

— Пьетро дважды просил руки Инес. Даже этот нелепый слух о проклятии его не переубедит.

— У меня есть и другие предложения, которые мне следует принять во внимание.

Я подошел вплотную к столу. Возможно, он пытался наказать меня через Инес еще раз. Я этого не допущу.

— Дай свое согласие Пьетро.

В его взгляде вспыхнул гнев.

— Осторожно.

— Король без наследника обречен на низвержение. Я готов рискнуть. А что насчет тебя?

Это была единственная угроза, которую я произнес. Отец выдержал мой взгляд, пытаясь оценить степень моей серьез-

ности, затем жестко улыбнулся.

– Пьетро – лучший выбор в любом случае. Почему бы тебе не рассказать ему хорошие новости? Он может взять Инес в жены в следующем году. Мы бы назначили дату свадьбы на август.

– Отец, Инес тогда исполнится всего семнадцать лет.

– А возраст для вступления в брак и возраст начала половой жизни – шестнадцать лет в Миннесоте, где она будет жить с Пьетро. Я ожидаю, что он переедет в Миннеаполис и будет готовиться к тому, чтобы сменить отца в ближайшие пару лет.

– Полагаю, ты ждешь, что я тоже займу пост Дона вскоре после свадьбы с Карлой?

Конечно, я знал ответ. Мой во всех смыслах благообразный вопрос был рассчитан на провокацию.

– Быть *Боссом* Синдиката – совсем другое дело.

Отец считал, если его будут называть Боссом, а не Доном, это привлечет к его персоне меньше негативного внимания. Как будто кого-то можно было обмануть фальшивым фантиком. Я отрывисто кивнул.

– Я сейчас же встречусь с Пьетро.

Не дожидаясь, пока он выставит меня вон, я развернулся и вышел. По пути к машине я отправил Пьетро короткое сообщение с просьбой встретиться со мной через пятнадцать минут в баре в «Болонье». «Болонья» – казино, управляющим которого он был в данный момент. Когда я вошел в заведе-

ние с раздражающей подсветкой гелевыми лампами, Пьетро уже сидел на барном стуле. Я направился к нему и сел рядом. Он повернулся. Сегодня его прическа была волосок к волоску, а одежда идеально выглажена.

– Слышал, что Якопо вчера словил пулю от Братвы. При-
скорбно.

Пьетро улыбнулся.

Я попросил бармена сделать мне эспрессо, как у Пьетро.

– Отец согласился отдать Инес тебе в жены.

Лицо Пьетро посветлело.

– Правда?

– В следующем году, в августе.

Пьетро замер.

– Я бы предпочел жениться на ней через два года, когда ей исполнится восемнадцать, Данте.

– Мой отец настаивает на этой дате, и на том, чтобы ты переехал в Миннеаполис сразу после свадьбы и готовился стать замом Босса.

Пьетро отвернулся, проведя рукой по волосам.

– Мне будет некомфортно в браке с Инес, когда ей всего семнадцать лет.

– Предполагаю, что это связано с сексуальным аспектом вашего брака, – сказал я, понизив голос, хотя меня и передернуло от одной мысли об этом.

Пьетро бросил на меня страдальческий взгляд.

– Мы больше не придерживаемся традиции, когда девуш-

ка должна выходить замуж девственницей. Ты можешь подождать десять месяцев до дня рождения Инес. Ваш брак не означает, что вам обязательно спать друг с другом.

Пьетро уставился на барную стойку.

– Данте, – произнес он едва слышно, но с большим сомнением в голосе. Он поднял голову.

Я не был слепым. Инес была очень красивой женщиной. Ее светлые волосы и голубые глаза делали ее желанной в глазах многих мужчин, а высокий рост добавлял ей привлекательности. Пьетро был бы таким хорошим мужем, каким только может быть мужчина его или моего положения. Он также был мужчиной – мужчиной, имеющим право на очень красивую женщину, с которой он будет делить дом и постель.

– Я бы никогда не стал принуждать Инес, ты же знаешь.

– Инес воспитана в традициях, предполагающих подчинение мужу, и ее долг – отдать свое тело тебе. Насилия не потребуется, Пьетро. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Мой голос стал более резким.

– Не знаю... смогу ли выдержать так долго.

Он посмотрел мне в глаза.

– А ты смог бы сопротивляться в течение нескольких месяцев, если бы твоя прекрасная жена делила с тобой постель каждую ночь?

Я гордился своей способностью к самоконтролю. Был ли я абсолютно уверен, что смогу устоять? Нет, но я не стал бы говорить об этом Пьетро.

– Да.

Пьетро с усмешкой покачал головой.

– Тогда ты куда сильнее, чем я.

* * *

Их свадьба состоялась в следующем году в августе, как и настаивал отец.

Я наблюдал за Инес и Пьетро на свадьбе, пытаюсь понять, как они будут ладить друг с другом. Я перевел взгляд на Карлу, которая стояла в одиночестве со стаканом воды в руке. Ее родители танцевали. Я направился к ней. Она заметила меня и быстро отвела глаза в свойственной ей скромной манере. Я протянул руку.

– Потанцуешь со мной?

– Конечно.

Некоторое время мы танцевали молча, прежде чем я затронул тему, которая меня беспокоила.

– Уверена, что хочешь выйти за меня замуж?

Ее глаза расширились.

– Абсолютно. Мы поженимся через три месяца... Верно?

Я склонил голову на бок. Мне стоило немалых усилий убедить отца сыграть нашу свадьбу в тот же год, что и свадьбу Инес, но я не хотел ждать. Родители Карлы были очень консервативны, а ей несколько месяцев назад исполнилось восемнадцать.

– Ты выглядела незаинтересованной.

– По правде сказать, нет. Я просто держу дистанцию, учитывая, что мы еще не женаты.

Она одарила меня первой искренней улыбкой за этот день.

– Три месяца.

Она улыбнулась чуть шире, покраснела и кивнула. Как обычно, в ее присутствии меня охватило чувство спокойствия. После танца с Карлой я направился к своему шурину.

Пьетро смеялся над чем-то, что сказал ему Рокко. После смерти старика Скудери и вступления Рокко в должность Консильери его линия поведения поменялась. Теперь никто больше не называл его Пострелом. Освободившись от власти отца и брата, он показал, что является Скудери до мозга костей. Пусть и не таким развратным, как они, но хитрым и жестоким. Он стал хорошим Консильери, который был предан мне, а не моему отцу.

– Я хотел бы поговорить с тобой с глазу на глаз.

Пьетро кивнул и последовал за мной в уединенное место.

– Помнишь, год назад ты сказал мне, что Якопо – чудовище и что Инес не должна попасть к нему в лапы.

Пьетро наблюдал, как Инес разговаривает с Карлой, а затем повернулся ко мне, сведя брови.

– Конечно. Я рад, что его убили.

– Надеюсь, что ты докажешь сегодня вечером и будешь доказывать это каждый божий день, что ты лучше, чем Якопо, что ты достоин моей сестры, – тихо произнес я, подходя

к нему вплотную.

Пьетро выдержал мой взгляд.

– Если я этого не сделаю, Братва и мне уготовит скорый конец?

– Надеюсь, что до этого не дойдет.

– Не дойдет. И не потому, что я боюсь последствий.

Его выражение лица было жестким.

– Если позволишь, мне нужно поговорить с *моей женой*.

* * *

Я пребывал в напряжении всю ночь и все утро. Пьетро и Инес, наконец, вышли, и раздались аплодисменты. Я не присоединился к ним. Пьетро по-хозяйски обхватил Инес за талию, но Инес прильнула к нему, ища его близости и защиты, когда она внезапно оказалась в центре всеобщего внимания. Она держала голову высоко поднятой, несмотря на легкий румянец смущения на щеках. Она смотрела на Пьетро без намека на страх, а он отвечал ей взглядом, полным обожания. Когда он заметил мой пристальный взгляд, выражение его лица стало спокойным. Он отрывисто кивнул мне, и я ответил ему тем же, потому что один взгляд на мою сестру сказал мне, что он обращался с ней так, как она того заслуживала. Возможно, предательство Синдиката ради моей сестры в конечном итоге будет иметь свою цену, но я был готов ее заплатить.

Инес – первая женщина, ради которой я предал Синдикат.
И это было только начало.

Второе предательство

12 лет спустя

Данте

Я держал руку Карлы, прижавшись губами к костяшкам ее пальцев. Ее кожа была мертвенно-бледной, дыхание затрудненным, болезненным... Я поднял глаза и увидел, что она смотрит на меня усталыми, печальными глазами.

– Мне жаль, что я никогда не смогу подарить тебе детей.

Я покачал головой, коснулся ее щеки и прижался поцелуем к ее сухим губам.

– Карла, все это не имеет значения.

– Это все часть Божьего плана, любовь моя.

Я ничего не сказал. За все эти годы вера Карлы так и не передалась мне, как бы она ни старалась. Я не был верующим. А сейчас моей веры было куда меньше, чем когда-либо. Если Бог существует и это был его план, я никогда не прощу его.

– Не надо... не злись. Не позволяй гневу поглотить тебя.

Я бы отдал ей весь мир. Но это было не то, что я мог обещать. Гнев уже кипел в моей груди, готовый выплеснуться наружу.

– Ты помолишься со мной?

Я обхватил ее руки, кивнул и опустил голову. Шепот молитвы Карлы только усиливал мое отчаяние. Карла была са-

мой светлой частью моей жизни. Она так резко контрастировала со мной. Без нее... кем бы я стал?

* * *

Морфий действовал недостаточно сильно, чтобы Карла смогла переносить часы, когда бодрствовала. Разве что врачи давали ей столько, что ее состояние было близким к коматозному.

Я держал ее за руку, когда она буквально выла от боли, а ее лицо изменилось до неузнаваемости. Мало кто из моих врагов страдал под моими пытками так, как Карла в последние дни своей жизни. Это было несправедливо. Ничто не могло заставить меня поверить в обратное.

– Знаю, что самоубийство – это грех, но я хочу, чтобы это закончилось. Я просто хочу, чтобы это прекратилось. – Она сглотнула. – Я больше не в силах... терпеть.

Я замер. Я знал, что это лишь вопрос времени, когда нам придется проститься, но слова Карлы заставили меня взглянуть в лицо суровой реальности.

Я поцеловал ее руку.

– Это не совсем самоубийство, если смерть придет от моей руки, любовь моя.

– Данте...

– Я делал вещи и хуже. Это была ложь. Но не будь ее, это сломало бы во мне то последнее, что делало меня человеком.

Но если кто и стоил такой жертвы, так это Карла.

– Ты уверен?

В прошлом она бы спорила со мной, читала отрывки из Библии, взывала ко всему доброму во мне. То, что она даже не пыталась этого делать, показывало, насколько все плохо.

Я кивнул.

– Ты можешь застрелить меня. Это быстро и легко.

Ничто в этом деле не будет легким. И я никогда не опозорю Карлу, убив ее, как это сделал бы чертов предатель.

– Не волнуйся об этом. Завтра все закончится, и ты окажешься в лучшем месте.

Я не верил ни в рай, ни в ад. Если бы они существовали, наше прощание было бы вечным.

* * *

Тот вечер, который я провел с Карлой, стал для нас двоих последним.

Когда я подошел к кровати, Карла слабо улыбнулась. Она знала, что я собираюсь сделать, и в ее взгляде читалось облегчение. Я не обсуждал с ней детали. Она всегда предпочитала оставаться в неведении относительно жесткости, свойственной этому миру. Я полез в карман брюк и достал шприц с инсулином. Я прилег на кровать рядом с Карлой и погладил несколько прядей ее мягких волос. В ее мягких волосах были нити седины, а вокруг глаз и рта появились морщин-

ки – явные следы борьбы с болезнью. Борьбы, которую она проиграла.

– Все хорошо, – прошептала она. – Ты еще встретишь новое счастье.

Я ничего не сказал, потому что каждое слово либо огорчило бы Карлу, либо оказалось бы ложью.

Дрожащими руками я приготовил шприц. Руки, которые всегда были твердыми, что бы ни произошло, отказали мне.

– Я люблю тебя, Данте.

Я сглотнул.

– И я люблю тебя, *всегда буду* любить только тебя, Карла.

Она сжала мою ладонь с грустными глазами, затем слегка кивнула.

Глядя ей в глаза, я воткнул шприц в ее руку. Прежде чем сделать укол, я обнял ее и поцеловал еще раз. Через несколько секунд после инъекции Карла потеряла сознание, и когда я держал жену в своих объятиях, ее дыхание остановилось.

Я продолжал держать ее, даже когда тело остыло, даже когда наступившая тишина отдавалась звоном в моей голове. За окном наступила ночь, потом снова стало светло, а я все еще держал ее в своих объятиях. В доме слышались шаги. Медленно я вынул руку из-под ее тела и опустил голову Карлы на подушку. Вытащил шприц, бросил его в мусорное ведро. Потом поцеловал Карлу в веки и встал.

Я не мог отвести взгляд от ее безжизненного тела, хотя это зрелище разбивало мне сердце.

– Хозяин? – позвала Зита, и на мгновение я подумал о том, чтобы отослать ее, чтобы остаться наедине с телом Карлы и своей печалью, но я не мог прятаться так вечно. Я не мог сделать то, что хотел – снова лечь рядом с женой и ждать, когда смерть заберет и меня. Жизнь должна была продолжаться. Но я не был уверен, как это возможно.

* * *

Инес сжала мою руку под столом, продолжая разговор с матерью. Я не отреагировал на ее попытку утешить меня, вместо этого я извинился и направился в сад, желая уйти подальше ото всех этих людей, которые притворялись, что их волнует смерть Карлы, а на самом деле хотели лишь завоевать мое расположение, понимая, что это лишь вопрос времени, когда я официально сменю отца на посту Босса.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз был так зол, но не имел возможности дать выхода своим эмоциям. Смерть Карлы была подобна взрыву бомбы, и с тех пор я чувствовал себя потрепанным, разорванным, безвозвратно поврежденным. Моя печаль не уменьшилась, а даже наоборот, возросла за те дни, что прошли с тех пор, как я убил ее, а вместе с ней возросла и моя ярость, моя потребность справиться с этой агонией единственным доступным мне способом – доводя до агонии других.

Услышав звук приближающихся шагов, я вновь возвел

внутренние защитные стены, но мне не нужно было надевать маску спокойствия на лицо, так как я сросся с этой маской настолько, что мое лицо теперь всегда было таким безэмоциональным, даже когда внутри меня бушевали эмоции, грозившие расколоть меня, а вместе с ним, возможно, и Синдикат.

Пьетро остановился рядом со мной, не говоря ни слова, и уставился в ночное небо, как и я. Через пару минут он бросил на меня взгляд.

– Мы останемся на неделю. Твоя мать рада, что близнецы рядом, а Инес решила, что тебе будет полезно, если сейчас с тобой рядом будут члены твоей семьи.

Я коротко кивнул.

– Данте, – тихо произнес Пьетро, наклонившись ко мне, и я знал, что его слова не принесут должного эффекта, еще до того, как он их произнес. – Если тебе нужно с кем-то поговорить, ты знаешь, что можешь всегда прийти ко мне. Ты не должен нести это бремя в одиночку.

Я снова кивнул, и Пьетро окончательно удалился.

Ночное небо сегодня казалось бесконечным и грозным. Мне хотелось верить, что Карла где-то там, наверху, смотрит на меня. Возможно, это могло бы послужить мне утешением, если бы я верил в возможность жизни после смерти. Но я в нее не верил, и утешения мне было не достичь. В моем сознании постоянно проносились образы безжизненного тела Карлы, ее гроба, который опускают в сырую землю.

Два дня спустя мои родители пригласили Скадери на ужин, и, несмотря на то, что мне нужно было побыть одному, я пришел на встречу. Дома меня никто не ждал, а долг перед Синдикатом обязывал меня присутствовать на встрече. Нехорошо было бы демонстрировать свою слабость, да еще незадолго до моего восхождения на пост Дона. Инес, Пьетро и близнецы тоже были там. Сестры Скудери были слишком взрослыми, чтобы играть с ними, но Фабиано был всего на год старше, и поэтому после ужина он присоединился к Серафине и Сэмюэлю в углу комнаты. Я почти не прислушивался к разговору, даже если он касался Семьи и стратегии, направленной на то, чтобы обеспечить нам мирное сосуществование с ней.

– Брак связал бы нас. Сальваторе очень хочет найти красивую невесту для своего сына Луки, – произнес отец.

– Он заинтересован в кандидатуре Арии, – сказал Рокко. – Желает, чтобы они сыграли свадьбу как можно скорее.

Я обратил свой взор на девушку, которая болтала со своими сестрами на диване. Ей было пятнадцать лет, слишком юная для замужества и слишком невинная для человека с таким нравом, как у Витиелло.

– Этот человек убил своего кузена голыми руками. Не уверена, что союз между ним и одной из наших девушек может

послужить основой мира, – сказала Инес.

Брови отца неодобрительно дернулись, а мать тихонько шикнула на Инес.

– Твое мнение не особо кому интересно на этом собрании, Инес. Лучше думай о том, как угодить мужу и контролировать детей, особенно очь, она должна знать свое место.

Серафина дралась с мальчишками, твердо гнула свою линию, несмотря на свою ангельскую внешность.

В прошлом Инес прогнулась бы, но будучи женой Пьетро, она должна была слушаться только его, а не отца, а Пьетро, казалось, вовсе не раздражало то, что она заговорила.

– Я научу свою дочь знать, где ее место, не волнуйся. – Инес овладела искусством тонкого неподчинения и вежливой критики, поэтому она улыбнулась, хотя в ее взгляде промелькнуло то же отвращение, которое я испытывал к нашему отцу.

Отец поджал губы и посмотрел на меня, словно ожидая, что я упрекну Инес. Он знал, что моя сестра ценит мое мнение больше, чем его. Я поднял свой бокал и отпил вина, несколько не желая ввязываться в этот фарс. Не сегодня, по крайней мере, не тогда, когда мысленно я продолжал прокручивать последнюю улыбку Карлы, ее последний вздох, момент, когда ее пальцы ослабли в моих.

– Конечно, есть кое-что, о чем нужно подумать, прежде чем мы решим отдать Арию Луке.

Улыбка отца была похожа на улыбку рептилии, и мои

мышцы напряглись в ожидании его следующих слов.

– Ария могла бы подарить Синдикату прекрасных белокурых детей. К тому же тебе нужна новая жена и наследник.

Эти слова, надо сказать, больно ранили меня. После стольких лет отец, наконец, нашел, чем еще раз меня уколоть. Сохранять нейтральное выражение лица было мучительно сложно.

– Со дня похорон Карлы прошло всего два дня! – прошипела Инес, глядя на меня с откровенным беспокойством. – Неужели у тебя нет ни капли уважения к ее памяти и к горю Данте?

– Тебе следовало бы проявлять больше уважения к человеку, который решает вопросы жизни и смерти на этой территории, – сказал отец.

Пьетро схватил Инес за руку, и по выражению его глаз я понял, что он собирается сказать что-то такое, из-за чего у него будут неприятности с моим отцом, и хотя отец колебался бы, прежде чем избавиться от Заместителя Босса, он никогда не избавился бы от меня, потому что он хотел, чтобы его сын – плоть от плоти и кровь от крови его – жил. Я встал и хлопнул ладонью по столу, выпуская свой гнев.

– Эта тема закрыта.

Даже дети замолчали, глядя на меня с открытым ртом.

Я отступил назад и вышел из комнаты, кипя от злости. Я направился напрямик к входной двери, нуждаясь в глотке свежего воздуха. Отец так просто не сдастся.

Мои подозрения подтвердились, когда через несколько дней нас с отцом пригласили в особняк Скудери, чтобы обсудить последние события, связанные с возможным союзом с Семейей.

За последние несколько дней отец несколько раз разговаривал с Сальваторе Витиелло, а я самоустранился, чтобы собраться с мыслями. Мое душевное состояние не принесло бы нам никакой пользы в деловых переговорах в данный момент. Лука и Сальваторе чуяли слабость за версту.

– Я послал Сальваторе фотографии Арии и Джуанны, – сказал отец. – Он принял бы любую из них в семью, но отдает предпочтение Арии.

Рокко покачал головой.

– Джуанна слишком буйная. Он изобьет ее до смерти, и тогда у нас возникнет проблема, как правильно на это реагировать. Ей нужен кто-то, кто знает, как контролировать себя, и сможет сломить ее, не убивая. Лука не из таких.

Он бегло взглянул на меня. Я проигнорировал этот тонкий намек. Я бы не женился на Арии или Джуанне. Этим девочкам было тринадцать и пятнадцать лет, они были еще детьми.

– Мы должны сделать выбор, который пойдет на пользу Синдикату, подойдя к вопросу тактически, сынок.

Я кивнул.

– Это правда. Отдать Арию Луке кажется более разумным вариантом. Думаю, она будет меньше провоцировать его, чем Джианна.

Учитывая, что я убил Якопо, чтобы защитить Инес от монстра, было совершенно нелогично с моей стороны согласился отдать другую невинную девушку монстру ради интересов Синдиката. «Жертвы должны быть принесены», – таково было кредо моего отца. Я знал, что есть только один способ спасти Арию из лап Луки, и это возможно только если я захочу заполучить Арию себе. Отец и Рокко с готовностью согласились бы на это. Это избавило бы ее от жестокости Луки и позволило бы мне избавиться от опеки отца, дало бы мне возможность похоронить себя в своем горе без постоянного наблюдения. Я мог настоять на свадьбе через три года, и даже если отец потребует сыграть ее раньше, я знал, что Ария будет рада, если я не буду вести себя как муж, если не буду пытаться претендовать на ее тело. Все внутри меня сжалось от одной только мысли о том, что я могу быть с кем-то еще, кроме Карлы, что я могу дать обет еще кому-либо, когда Карла была единственной женщиной, с которой я хотел быть связан.

Словно почуяв ход моих мыслей, Рокко встал и подошел к двери, открывая ее.

– Ария! Зайди-ка на минутку.

Рокко вернулся к столу и обменялся взглядом с отцом. Я

знал, о чем они думали, о чем думали многие в Синдикате.

Золотая пара! Это словосочетание шепотом разносилось по нашему кругу. Причем началось все задолго до того, как тело Карлы остыло, началось с того момента, как стало известно о том, что у нее рак. Я игнорировал его, но оно разрослось до таких размеров, что игнорировать его стало невозможно. У меня оставалось два выхода, если я не хотел показаться слабым, потому что продолжать оплакивать мертвую женщину было не чем иным, как слабостью в глазах многих верных людей отца. Либо я женюсь на Арии, либо отдам ее Луке.

Через пару минут она вошла в гостиную, одетая в бледно-голубое платье. Ее светлые волосы были собраны в беспорядочный хвост. Когда она заметила нас, ее глаза расширились от страха. Слишком юная, чтобы можно было говорить о сформировавшихся чертах. Она подошла, сцепив руки на животе, на ее лице отразился трепет. На мгновение она встретилась со мной взглядом, прежде чем склонила голову и повернулась к Рокко.

– Да, отец?

Я проследил за ее взглядом, пытаюсь представить, как могу стать мужем этой девушки. Я не мог допустить близости с ней в физическом, а тем более в эмоциональном плане. Мысль о том, чтобы разделить с ней постель, о том, что я могу заботиться о ней, пугала меня. Гнев и печаль нераздельно владели мной, пока потребность выплеснуть ту же боль,

что поглощала меня, не стала непреодолимой. Может быть, Лука сломал бы ее своей жестокостью, а может быть, и нет. Я не знал.

Что я знал наверняка, так это то, что я сломаю ее своей тьмой, пронизанной печалью, что в конце концов я выплесну на нее свой гнев, потому что она осмелилась занять место рядом со мной, которого не заслуживал никто, кроме женщины, тело которой каких-то несколько дней назад я предал сырой земле.

– Мы хотим выпить. Сходи в сигарный салон и принеси для нас бокалы и бутылку моего любимого виски.

Она быстро кивнула, а затем повернулась и вышла. Я бы не женился на Арии. Я не мог.

– Она красива и молода, – сказал мне отец.

– Верно.

Мой голос не отражал моего внутреннего смятения.

– Именно поэтому мы должны выдать ее за Луку Витиелло. Это даст ему понять, что мы намерены отдать ему лучшее, что можем предложить. Если мы хотим мира, то другого выбора у нас нет.

Разочарование мелькнуло на морщинистом лице отца, но он склонил голову. Рокко тоже не выглядел слишком опечаленным, в конце концов, его дочь в любом случае будет отдана будущему Дона.

– Есть еще Джианна.

– Отец, – твердо сказал я. – Я не женюсь ни на Джианне,

ни на ком-либо другом. У нас есть другие вещи, на которых мы должны сосредоточиться.

Он знал меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я непоколебим в своем решении, которое принял. Я не хотел жениться в ближайшее время или когда-либо еще. Память о Карле была моей путеводной звездой, а успех Синдиката – моей миссией в жизни. Места ни для чего другого просто не было.

Я поклялся ставить интересы Синдиката превыше всего, особенно превыше женщины, но сейчас я не мог пересилить себя из-за любви к Карле. В наших кругах оставаться вдовцом было опасно. Это говорило о том, что я тяжело переживаю смерть своей покойной жены, а это, прежде всего, означает наличие у меня слабости. А если Синдикат окажется слабым, наши враги могут попытаться напасть. Не говоря уже о том, что мне нужен был наследник, мальчик, который мог бы стать Доном, когда я отойду от дел или меня убьют.

Но я не мог жениться, пока не мог. Может быть, никогда и не смогу. Тем самым я нарушал клятву Синдикату, но клятва Карле значила для меня больше. И всегда будет значить.

Третье предательство

Три года спустя

Часть первая

Данте

Я взглянул на Арию, когда она смотрела на Луку. Несмотря на великолепное белое платье и сияющую улыбку, мне было очевидно, что день ее свадьбы не был для нее счастливым днем. Это было неудивительно, учитывая личность ее мужа. Лука то и дело смотрел на меня свирепым взглядом, как у льва, почуявшего на своей территории другого хищника.

Я с трудом выносил его при нормальных обстоятельствах, но за последние три года понятие нормы для меня потеряло свою актуальность.

Мама положила свою ладонь поверх моей.

– Не думаешь, что тебе пора снять его?

Я отпустил обручальное кольцо, которое крутил на пальце, отдернул руку и встал.

– Извини, думаю, от меня ждут, что я украшу танцпол своим присутствием.

На лице моей матери отразился тот же упрек, что и в ее словах, но упреки уже давно не действовали на меня.

Но я оценил то, что она вмешалась. В такие времена мне нужно было сохранять видимость, и я не мог рисковать, открыто держась за прошлое. Инес и Пьетро едва покинули танцпол – одна из немногих пар, которые были так же счастливы за закрытыми дверями, как и мы с Карлой.

Я отбросил эти лишние мысли и снова перевел взгляд на Валентину. Она стояла в стороне и разговаривала с Бибианой Бонелло. Я целенаправленно подошел к ней, и ее манера поведения изменилась. Валентина явно напряглась, как только она заметила мое приближение. Она потеряла мужа меньше года назад, и ее отец уже начал подыскивать для нее нового супруга. Я протянул руку.

– Можно вас пригласить?

В ее зеленых глазах мелькнуло удивление, но она приняла мое приглашение и позволила мне повести ее к танцполу. Между нами повисла напряженная тишина, когда мы начали раскачиваться под музыку, а я рассматривал женщину в своих объятиях. С того момента, как отец Валентины Джованни начал подыскивать нового мужа для своей дочери, у меня в голове зародилась идея. Валентина недавно потеряла мужа, и ее все еще терзало собственное горе, что, в свою очередь, заставило бы ее не искать близости со мной, по крайней мере эмоциональной. Что касается физического аспекта нашего вероятного союза, мне было несложно признать тот факт, что меня влечет к ней. Впрочем, это был неоспоримый факт и для большинства мужчин, присутствовавших сегодня вечером. Валентина была элегантна и красива.

Кроме того, она имела определенный опыт, что делало ее кандидатуру нежелательной в глазах моих родителей, но она идеально подходила моим целям. Девственная невеста требовала нежности и заботы, которых у меня не было, но Ва-

лентина могла быть готова к сексу в состоянии гнева, такому, которого я жаждал, хотя бы для того, чтобы побороть своих демонов и заставить их замолчать.

– Сожалею о вашей утрате. У меня до сих пор не было возможности сказать вам об этом лично.

В ее глазах мелькнула грусть.

– Спасибо. Это много значит от того, кто понимает, что это значит.

Я почувствовал болезненный укол в сердце, но сумел сохранить на лице привычную маску холодности и отрешенности.

– Не все понимают, что требуется время, чтобы пережить горе.

Она бросила короткий взгляд на отца, который разговаривал с Рокко. Она явно была недовольна его попытками женить ее так скоро, что делало ее идеальным для меня вариантом. К моменту окончания нашего танца я уже принял решение. Я обсудил бы возможность нашего с ней брака с ее отцом, получив согласие на этот брак от собственного отца.

* * *

Как и ожидалось, отец не был в восторге от моего выбора.

– Она уже была замужем, Данте. Неужели ты хочешь женщину, на которую уже претендовал другой мужчина? Через несколько месяцев ты станешь Доном. Ты сможешь заполу-

читать любую девушку, какую пожелаешь, зачем выбирать поддержанную машину, когда можешь получить новую?

Я подавил раздражение и сохранил сосредоточенное выражение лица, засунув руки в карманы.

– Либо она, либо никто. Я не хочу, чтобы рядом со мной была молодая девушка. Валентина вполне способна дать мне то, что мне нужно.

Отец гневно сверлил меня взглядом своих мутно-голубых глаз, но мне было все равно. Он состарился, и единственное, что защищало его перспективы кормить червей, это то, что я уважал мать и знал, что большинство мужчин стараются следовать примеру моего отца, несмотря на его многочисленные недостатки.

– Поговори с Джованни. Я уверен, что он не упустит такой шанс.

Не сказав больше ни слова, я вышел из его кабинета и направился к машине родителей, отправив Джованни сообщение, что приеду по делу.

Я не увидел ни Валентины, ни ее матери, когда Джованни провел меня в свой кабинет, явно смущенный моим появлением.

– Что-то случилось, Данте? Я уверен, что наши люди смогут сдержать солдат братвы.

– Я здесь не поэтому.

Я принял из его рук стакан, который он протянул мне, и опустился на диван. Джованни сел напротив меня, в его гла-

зах мелькнуло беспокойство. Неужели он думал, что я здесь потому, что хочу сместить его с должности Заместителя Дона, раз уж я стал Доном Синдиката? В конце концов, мы были единственной мафиозной семьей, где Дону разрешалось иметь Заместителя в собственном городе.

– Вы уже нашли мужа для своей дочери?

Он опустил свой бокал с растерянным видом.

– У меня есть на примете пара женихов, которые готовы жениться на вдове. Они такие же солдаты, как Антонио, но я не ожидал, что мне удастся найти для нее лучшего мужа. Я не должен был соглашаться на ее брак с Антонио с самого начала, но я хотел видеть ее счастливой, а теперь посмотрите, к чему это привело.

Он покачал головой и расстегнул пуговицу пиджака, приняв расслабленную позу в кресле.

Я кивнул, хотя для меня это не имело значения.

– Если она еще не обещана кому-то еще, я бы хотел попросить вас отдать мне ее в жены.

Джованни закашлялся, поперхнувшись виски, его глаза заслезились.

– Простите?

– Я бы хотел жениться на вашей дочери, если вы не против.

Джованни так долго смотрел на меня, что я подумал, не случился ли у него инсульт. После чего старик рассмеялся. Но я не присоединился к его смеху, тогда он замолчал и про-

чистил горло.

– Так ты серьезно.

– Да. Я хочу жениться на Валентине в январе, до того, как вступлю в должность Дона.

Джованни опустил обратно в кресло, облокотившись на спинку, испустил низкий вздох, провел рукой по волосам. Он был явно ошеломлен.

– Я не ожидал этого.

– Понимаю.

– И твой отец согласен на твой брак с не девственницей.

Я поджал губы.

– Я не спрашиваю разрешения, Джованни. Вам не хуже меня известно, что я уже управляю Синдикатом. Мое слово – закон.

Джованни кивнул, покрутил бокал и снова покачал головой.

– Почему моя дочь, Данте?

Я не ожидал такого вопроса.

– Думал, вы будете рады союзу между мной и Валентиной.

– Не пойми меня неправильно, я рад, и Ливия, несомненно, будет в восторге от того, что ты станешь ее зятем, особенно после всех тех неприятностей, которые нам доставил Орацио, – сказал он быстро, потом сделал еще один глоток, явно обдумывая свои следующие слова.

– Но ты не выиграешь ровным счетом ничего от такого союза.

– Я получу красивую жену и мать для своих детей.

– На нашей территории есть десятки девушек, которые могут дать тебе то же самое, вдобавок они девственницы, ты станешь для них их первым мужчиной и мужем.

– Я не заинтересован в том, чтобы рядом со мной была девочка-подросток, и я не вижу преимуществ в том, чтобы быть с девственницей.

Джованни усмехнулся, и что-то в его взгляде изменилось. Это было едва заметно, но я уловил изменения, потому что научился обращать внимание на мелкие детали. Он был человеком, который быстро переключился с вопросов, волновавших его как моего Зама, на вопросы, представляющие интерес для него как отца Валентины.

– Ты знаешь меня, Данте, я не лезу не в свое дело, но в моем положении мне пришлось бы оглохнуть вконец, чтобы ненароком не услышать случайно произнесенную сплетню.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Я знаю, что ты часто бывал в клубе «Палермо». Томмазо и Раффаэле – люди, которые любят слушать сплетни о себе любимых, ты же знаешь.

– Выражайтесь яснее, – холодно сказал я, хотя у меня было чувство, что я знаю, к чему он клонит.

– По их словам, цитирую: «Ты наведалься туда, чтобы вытрахать свою злость и спустить собак на кого-то».

– Как я провожу свои ночи – это мое личное дело, как и мои сексуальные предпочтения.

– Верно, если только ты не собираешься использовать Вэл, чтобы избавиться от своего гнева. Она, конечно, не девственница, но я не допущу насилия над ней, потому что ты думаешь, что с опытной женщиной твоя совесть доставит тебе меньше проблем.

Джованни был верным солдатом, хорошим подчиненным и лучшим человеком, чем я думал. Рокко, как и многие другие мужчины, без вопросов отдал бы мне своих дочерей, но Джованни хотел защитить Валентину, и я уважал его за это, поэтому и не стал ему затыкать ему рот, закрыв глаза на его манеру общения со мной.

– У меня нет совести, которая могла бы доставить мне неприятности, – выдохнул я. – Но могу заверить вас, что не буду жестоко обращаться с Валентиной, неважно, девственница она или нет. Вы знаете мою позицию в отношении домашнего насилия и изнасилований, Джованни. Вы поддерживали меня, когда я пытался это пресечь.

Он наклонил голову, но выражение его лица оставалось настороженным.

Я обдумывал, что ему сказать. Он был прав в том, что я хотел Валентину, потому что надеялся, что она будет готова согласиться на брак по расчету, и доверится мне в вопросах сексуальной жизни. Я искал не близости или любви, а способа выполнить свой долг перед Синдикатом. Если бы эта связь позволила мне выплеснуть свой гнев без необходимости прибегать к услугам шлюх, это был бы дополнительный

бонус, но только если Валентина хотела бы этого.

– Я хочу, чтобы ваша дочь стала моей женой, потому что мы оба потеряли кого-то важного для нас, и это основа, на которой мы можем построить взаимовыгодные отношения.

– Это причина, которую я могу принять, но я не уверен, что Вэл разделяет наши с тобой взгляды.

– Она кажется разумной женщиной. Уверен, что она согласится, что это лучшее решение для нас обоих.

– Уверен, что она согласится, – медленно повторил он. В его голосе прозвучала нотка, смысл которой я не смог уловить, но это было неважно.

– Значит, решено?

Он поднял свой бокал.

– Да.

Мы чокнулись, выпили, и я покинул их дом. У меня были более неотложные дела, которые нужно было решить теперь, когда проблема моего брака была улажена.

* * *

Свадьба была не такой пышной, как можно было ожидать от человека моего положения, но она была масштабнее, чем мне бы хотелось.

Валентина была прекрасной невестой, элегантной и утонченной в своем свадебном платье кремового цвета. Мое внимание должно было быть приковано *только к ней* с того мо-

мента, как она ступила на порог церкви, и тем более, когда она оказалась рядом со мной, и ее отец передал ее мне.

Я старался оставаться в настоящем, чтобы не вернуться на много лет назад, к другой свадебной церемонии, к другой женщине. Женщине, которая все еще преследовала меня по ночам, глядя на меня своими печальными глазами.

Когда пришло время для нашего поцелуя, все внутри меня сжалось. Я не целовал женщин после смерти Карлы. Это был слишком интимный жест, слишком эмоциональный. Но Валентина была моей женой, и все ожидали, что мы поцелуемся.

Я не показал своего внутреннего конфликта, ни секунды не колебался, когда наклонился запечатлеть поцелуй на губах Валентины, ожидающей его. Чувство вины обрушилось на меня, как лавина. Я отстранился, отметив ищущее выражение лица Валентины, и повернулся к гостям. Валентина думала, что наш брак позволит ей пробить стены, которые я возвел, но вскоре ей пришлось бы разочароваться.

* * *

Свадебный банкет оказался чередой бессмысленных разговоров, натянутых улыбок и поздравлений, которые я едва мог принять. Танцы были немногим лучше банкета.

Я отпустил Арию после нашего обязательного танца, и она быстро вернулась к Луке, а я покинул танцпол, чтобы немно-

го развеяться. Орацио стоял в стороне в одиночестве, и я направился к нему. Он выпрямился, заметив мое приближение.

– Данте, – сказал он, его взгляд при этом был настороженным. Наши отношения всегда были отстраненными, и я сомневался, что сейчас они изменятся.

– Вы с отцом уладили ваш спор?

– Это вряд ли можно назвать спором. Он сказал мне свое мнение и ожидает, что я последую его приказу.

Я кивнул.

– В нашем мире действуют старые правила, которые нелегко перебороть. Зачастую кажется, что существует только долг и практически отсутствует право выбора.

Орацио сжал губы.

– Знаю. Долг – это слово мне слишком хорошо знакомо.

Я посмотрел ему в глаза.

– Отказаться от близкого человека всегда непросто, но брак по расчету может быть взаимовыгодным.

Даже для моего уха эти слова казались пустым звуком. Божьим зрением я следил за Маттео, когда он склонился перед Валентиной и притянул ее к себе. Во мне вспыхнул гнев из-за его открытой демонстрации неуважения ко мне.

– Так вот что для тебя Валентина – удобная женщина?

Я бросил на Орацио пристальный взгляд.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свой брак. И не буду вмешиваться в ваши дела.

Орацио отвернулся.

– Если ты поговоришь с моим отцом, он, возможно, поймет, что к чему.

– Я не могу вмешиваться в семейные дела. Твой отец всегда был верным человеком.

Смех Валентины разнесся по комнате. Я посмотрел на нее как раз в тот момент, когда она широко улыбнулась, очевидно услышав какую-то шутку, которую рассказал Маттео.

– Извини, – сказал я Орацио, который лишь кивнул. Затем я направился к Валентине и Маттео. По какой-то необъяснимой причине мне не понравилось, что Валентина казалась совершенно спокойной в обществе Маттео. О его обаянии ходило много слухов.

– Думаю, теперь настала моя очередь, – произнес я отрывисто, подходя к ним.

Рот Маттео дернулся.

– Конечно. Кто может долго оставаться в стороне от такой таинственной красоты?

Затем он поцеловал руку Валентины, отчего у меня закипела кровь. Открытая провокация свидетельствовала о черной ярости, которая весь день дремала, скрытая под тонким слоем контроля. Валентина схватила меня за руку, прежде чем я успел решить, принесет ли мне убийство Маттео удовлетворение, необходимое для войны с Семейей. Ария была достаточно умна, чтобы оттащить Маттео.

– Думала, ты хочешь потанцевать со мной?

Слова Валентины прервали поток моих мыслей. Я притянул ее к себе и повел в танце.

– Что он сказал? – спросил я.

– Хм?

– Что тебя рассмешило?

– Он пошутил про кусты.

На лице Валентины мелькнул намек на смущение.

– Ему следует быть осторожнее.

– Думаю, он немного напрягается из-за проблем, возникших между ним и Джаанной.

– Насколько я слышал, он всегда был ветренным, даже до своей связи с дочерью Скудери.

– Не все такие управляемые, как ты.

Если бы она знала, сколь мало я хочу держать себя в узде сегодня вечером, она бы так не говорила.

* * *

Я почувствовал облегчение, когда банкет подошел к логическому завершению, и мы с Валентиной сели в мой «Мерседес» и поехали в принадлежащий мне особняк. Я не мог избавиться от чувства, что предал сегодня Карлу, обещание, данное ей, нашу любовь, которая не давала мне полностью утонуть во тьме, но я надеялся, что хотя бы со стороны выгляжу собранным, контролирующим себя. Но мне надоело держать себя в руках, надоело сохранять видимость хладно-

кровия, когда я хотел кипеть от злости и крушить все на своем пути.

Прошло много месяцев с тех пор, как я в последний раз был в «Палермо» и выпустил хотя бы часть упорно сдерживаемой ярости. Можно было бы подумать, что моя жизнь предоставляет достаточно возможностей для снятия напряжения, и я, конечно, постарался принять участие в максимально возможном количестве нападений, чем в предыдущие годы, но этого оказалось недостаточно. Вместо того чтобы успокоить бушующие в моих жилах ярость и печаль, каждый акт насилия, казалось, разжигал новый, более жаркий огонь в моей груди. Валентина бросила на меня взгляд, возможно, обеспокоенная отсутствием общения, но я не мог вести светскую беседу, по крайней мере, не сейчас.

Я пытался проявлять к ней уважение как к своей жене, но для этого нужно было не потерять контроль над собой, а сейчас мое самообладание было под угрозой. Весь вечер я боролся с собой. Я злился на ситуацию, на все, даже на Валентину, что было неразумно, поскольку этот брак был даже не ее идеей. Я гордился своими способностями строить логические связи, но прямо сейчас эмоции преобладали над всем остальным и грозили разрушить образ, который я создал.

Я крепче сжал руль, направляя машину на предельной скорости к особняку, который почти двенадцать лет был домом для нас с Карлой, а теперь станет и домом для Валентины. Даже это казалось святотатством. Валентина бросила на

меня еще один любопытный взгляд, но я не позволил ей заглянуть за маску. Я провел ее в дом и поднялся по лестнице в нашу спальню.

Я взглянул на декольте Валентины, ее соблазнительные изгибы. Может быть, я смогу избавиться от напряжения, сковавшего мое тело. После танца Маттео с ней и благодарных взглядов, которые бросали в ее сторону другие мужчины, я чувствовал потребность заявить на нее свои права. Я никогда не относил себя к пещерным людям, никогда не действовал в соответствии со своими низменными потребностями, но долгое время моя темная натура не находилась под неусыпным контролем. С Карлой я был сдержан, никогда не испытывал потребности или желания заняться с ней грубым сексом. Она была бухтой спокойствия в моей жизни, той, кто зывал ко всему, что есть хорошего во мне, к той части моей натуры, которую я хотел бы чаще демонстрировать окружающим, но понимал, что это невозможно.

Я открыл дверь в спальню и жестом велел Валентине войти, что она и сделала, еще раз окинув меня испытующим взглядом. Зайдя внутрь и прикрыв за собой дверь, я взглядом очертил изгиб ее спины до пятой точки, которую аппетитно подчеркивало платье. Я переехал в спальню через несколько дней после смерти Карлы, не в силах спать в комнате, в которой я проводил почти каждую ночь с ней. Я отбросил воспоминания в сторону, подавил волну нахлынувших эмоций, которую они вызвали, и сосредоточился на бо-

лее безопасном понятии: моем желании к жене.

— Ванная за той дверью, — произнес я, проходя мимо нее к окну, подавляя сильное желание схватить Валентину, повалить ее на кровать и трахнуть сзади. Она была моей женой и заслуживала хотя бы каплю контроля с моей стороны. То, что я желал ее, уже заставляло меня чувствовать себя виноватым. Шлюхи, которых я подбирал в «Палермо», выбирались по принципу их сексапильности. Я даже не удостоивал их более чем мимолетным взглядом, прежде чем трахнуть, но я выбрал Валентину, и даже если я хотел притвориться, что это было сделано исключительно рассудком, я должен был признать, что она была для меня желанной.

Тихий щелчок дверного замка возвестил о том, что Валентина исчезла в ванной. Я прижался к оконному стеклу, вглядываясь в темноту ночи, сосредоточившись на том, как напрягся мой член, на желании, выворачивающем меня изнутри, на темном голоде, голос которого звучал громче, чем призывы горя и вины.

Когда Валентина наконец вышла из ванной, я уже дошел до ручки. Она прочистила горло, заставив меня повернуться и посмотреть на нее, одетую в фиолетовую ночную рубашку, которая льстила ее изгибам. Эта женщина была элегантной и скромнее, чем я ожидал. Когда мой взгляд наконец остановился на ее лице, я понял, что не найду сегодня выхода своей сдерживаемой ярости, не потому, что Валентина не отвечала моим потребностям, а потому, что я не мог позволить

себе вести себя так по отношению к жене, не тогда, когда она смотрела на меня с намеком на неуверенность, робость и, что еще хуже, с намеком на надежду. Валентина могла потерять мужа, но она хотела, чтобы я занял его место, чтобы я дарил ей нежность и любовь.

– Ложись. Я приму душ.

Слова прозвучали как приказ, но я и не подумал взять их обратно, когда направился в ванную и закрыл за собой дверь, отсекая растерянное лицо Валентины.

Я разорвал галстук и бросил его на пол, после чего с той же жестокостью снял остальную одежду. Только когда я вошел под душ и испустил длинный вздох, почувствовав струи горячей воды на своем теле, я расслабился. Я взялся за свой ствол в надежде избавиться от кипящего во мне желания. Женщина, ожидавшая меня в нашей общей постели, хотела того, чего я не мог ей дать. Но и она еще не была готова дать мне то, чего хотел я. Скоро она поймет, что наши брачные узы будут только для вида, не более. Моя разрядка не принесла мне должного удовлетворения, не то чтобы я ожидал этого, но, когда я вернулся в спальню пятнадцать минут спустя, я чувствовал себя лучше, я вновь был спокоен и мог контролировать ситуацию. Валентина полулежала на кровати, элегантная, красивая. Я смотрел на нее, не в силах перестать это делать, но ее выражение лица снова напомнило мне, почему я так сильно старался контролировать себя. Я вытянулся рядом с ней, хотя ее запах будоражил мои

ноздри, вновь рождая желание, которое я пытался подавить. Я встретился взглядом с Валентиной, когда она растянулась рядом со мной. Она выглядела смущенной и неуверенной, почти невинной, и это выбило меня из колеи, потому что я ожидал, что она будет другой. Потому что я женился на ней в надежде, что она будет другой.

– Завтра мне рано вставать, – сказал я, выключая свет.

Рядом со мной раздавалось ровное дыхание Валентины, ее запах все еще манил меня, но в темноте прошлое было сильнее моего желания, и воспоминания всплывали на черном полотне ночи. Осунувшееся лицо Карлы, ее хриплый последний вздох, страх и отчаяние в ее глазах и, наконец, облегчение, когда все закончилось.

Часть вторая

Данте

Я избегал свою жену, как проклятый трус. Я гордился своей сдержанностью, но в ее обществе мне было видно, как я ошибался. Каждая ее новая попытка соблазнить меня разрушала еще один кусок моей стены.

Валентина не сдавалась. Часть меня хотела, чтобы она продолжала свои неустанные попытки, пока я не проиграю битву. Другая, более сильная часть, хотела, чтобы она оставилась, пока я не показал ей, почему я так долго избегал брака. Наш первый поцелуй пробудил во мне то, что я с трудом мог обуздать – голод, такой необузданный и дикий, что он грозил пробудить те части моей натуры, которым не было места в браке. И поэтому я продолжал настаивать на своем. Ради себя, но больше всего: ради нее.

* * *

Я уставился в темный камин. Последние угли угасли в отличие от пылающего во мне гнева. Было трудно определить источник моей злости. Большая его часть была направлена на себя, но часть – на женщину, которая этого не заслуживала. Валентина.

Я злился на нее за желание, которое она порождала во

мне. Она заставляла меня чувствовать себя не в своей тарелке. Я никогда не испытывал такого сексуального желания, такой потребности поглотить кого-то.

Звук каблуков по деревянному полу привлек мое внимание, но я не повернулся. Валентина нерешительно топталась возле двери, прекрасная, как всегда, сирена, вызывающая к моим низменным инстинктам.

— Правда ли, что ты был частым гостем клуба «Палермо»?

Мои пальцы сжали стакан с виски. Я не хотел обсуждать прошлое, а тем более вспоминать о своих первобытных потребностях.

— Он принадлежит Синдикату, но это было задолго до нашего брака.

— Значит, ты не возражал против компании проституток, но не можешь лишить девственности собственную жену?

На секунду я утратил свое самообладание и посмотрел на Валентину. Девственность?

Желание, настолько всепоглощающее, что почти разрушило мой самоконтроль, овладело мной. Усилием воли я обуздал его. Валентина выбежала из комнаты.

С вынужденным спокойствием я поставил бокал и последовал за ней, хотя держать дистанцию с моей слишком соблазнительной женой было вредно.

Я обнаружил Валентину в спальне. Она смотрела в окно. Я приблизился к ней, пока не увидел в отражении ее осунувшееся лицо.

– Девственность? – спросил я, стоя вплотную к Валентине, которая продолжала смотреть в окно, пытаясь спрятать от меня свое лицо. – Вы с Антонио были женаты четыре года.

Я вспомнил попытки Валентины соблазнить меня. Она выглядела неумелой и неопытной, но я списал это на ее нервозность из-за того, что она была не с первым, а с другим мужем. Теперь, когда я более тщательно обдумал ее действия, я понял, что они, скорее всего, связаны с тем, что она никогда не была с мужчиной, но вопрос оставался открытым: почему она была девственницей после замужества?

– Валентина, – сказал я более твердо.

– Я не должна была ничего говорить, – прошептала она. – Это была просто фигура речи. Я не имела в виду это в прямом смысле. Как ты и сказал, мы с Антонио были женаты четыре года. Конечно, я не девственница.

Она лгала. Я без труда распознал ложь, и это привело меня в бешенство. Мало кто осмеливался лгать мне, и все они жестоко за это расплачивались, но Валентина знала, что она в безопасности. В безопасности от жестокой природы моего существа, но это не означало, что у меня не было других способов вырвать у нее правду. Я коснулся ее бедра. Она подпрыгнула от неожиданности и, задохнувшись, ударилась о подоконник.

Ощущение ее тепла сквозь одежду подействовало на меня сильнее, чем мне хотелось бы. Я сосредоточился на реакции Валентины, игнорируя свою собственную.

– Повернись, – приказал я.

Валентина повернулась ко мне лицом, но не посмотрела на меня. Я поднял ее голову, держа за подбородок, и встретился с ней взглядом. Как всегда, она слегка вздрогнула от моего прикосновения, и эта реакция заставила мой член дернуться.

Валентина не пыталась отстраниться или опустить глаза. Она упрямо выдержала мой взгляд, но ее подбородок напрягся. Она нервничала, и не только из-за нашей близости. Она держалась за ложь. Вопрос был в том, какую именно.

– Значит, твои слова там внизу были просто провокацией? – спросил я низким голосом. Я почти никогда не повышал голос, даже когда имел дело со своими солдатами, и уж точно не стал бы повышать его, когда имел дело с собственной женой.

Глаза Валентины наполнились слезами, и слеза скатилась по ее гладкой щеке и разбилась о мой указательный палец. Я отпустил ее. Слезы меня не волновали. Взрослые мужчины плакали передо мной на коленях, но вид моей плачущей жены вызывал неприятные ощущения у меня в груди. Валентина сразу же отстранилась от меня.

– Почему ты плачешь? – осторожно спросил ее я, пытаюсь понять настроение Валентины. Она не показалась мне девушкой, склонной плакать.

– Потому что ты меня пугаешь!

– До сегодняшнего дня ты никогда не казалась мне на-

пуганной, – сказал я. Внушать страх другим было для меня естественным, и это было то, что я использовал в своих интересах в прошлом и до сих пор использую. Страх, конечно, заставил бы Валентину рассказать мне правду, но я не хотел, чтобы моя жена боялась меня.

– Тогда, возможно, я хорошая актриса.

– У тебя нет причин бояться меня, Валентина. Что ты скрываешь?

Она посмотрела на мой подбородок, избегая прямого взгляда, пытаясь ухватиться за ложь.

– Ничего.

Я обхватил пальцами ее запястье.

– Ты что-то скрываешь. И как твой муж, я хочу знать, что именно.

В глазах Валентины вспыхнул гнев. Она удивила меня своим упрямством.

– Ты имеешь в виду, что как Дон ты хочешь знать, потому что до сих пор ты вел себя не совсем как мой муж.

Она была права. Я вел себя вовсе не как муж. Я попирал клятвы, но дело было не только в этом.

– Почему ты до сих пор девственница?

– Я же сказала тебе, что не девственница!

Она попыталась вырваться из моих объятий, но я не отпустил ее. Вместо этого я притянул ее ближе, пока она не прижалась ко мне, но я пожалел о своем решении, как только до меня долетел ее аромат – пряный парфюм с цветочными

нотками, смешивающимися с дразнящим ароматом Валентины. Ее пульс участился, губы разомкнулись, зрачки расширились, когда она уставилась на меня. Она облизнула губы – это был нервный жест, и мой член сжался от новой волны желания к женщине, стоящей передо мной. Я хотел Валентину, отрицать это было невозможно.

Я подавил это ощущение.

– Итак, если бы я отнес тебя на нашу кровать прямо сейчас... – тихо произнес я и подтолкнул Валентину к кровати, – и взял бы тебя там, я бы узнал, что ты не солгала мне только что.

Если бы она была девственницей, она бы не смогла скрыть это от меня. Когда я лишил Карлу девственности, никто бы не поставил этот факт под сомнение. Боль вспыхнула в груди, обжигая жаром, и я выкинул все мысли о Карле из головы.

Валентина потянула меня за руку.

– Не возьмешь, потому что сейчас ты не уложишь меня в эту постель.

Она старалась говорить уверенно, но нотка неуверенности все же присутствовала.

– Не возьму?

– Нет, потому что ты не возьмешь меня против моей воли. Ты не одобряешь изнасилование.

– Ты веришь слухам? – спросил я со смешком.

Она выдержала мой взгляд.

– Да. Ты отдал замам прямой приказ передать их людям, что ты кастрируешь любого, кто использует изнасилование как средство мести или пытки.

– Да. Лично я считаю, что женщина никогда не должна подчиняться никому, кроме своего мужа. Но ты моя жена.

В нашем мире тело женщины принадлежит ее мужу. Никто не стал бы спрашивать с меня, что бы я ни сделал с Валентиной, не только потому, что мое слово было законом, но и потому, что я был под защитой наших старомодных традиций.

Валентина задрожала, изысканная маска сползла, обнажив то, о чем я часто забывал: она была намного моложе меня.

– Но все же, – прошептала она.

– Да, все же, – твердо сказал я и отпустил ее. – Теперь я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Я всегда буду относиться к тебе с уважением, но я ожидаю того же от тебя. Я не потерплю лжи. В конце концов, мы будем спать в одной постели, и тогда, Валентина, я узнаю правду.

– Когда мы будем спать в одной постели, как муж и жена, а не просто спать рядом друг с другом? Это когда-нибудь случится?

Если бы она только знала, как часто я представлял, как трахаю ее, и как отчаянно хотел повалить ее на кровать.

– Правда. И помни, что в конце концов я ее узнаю.

Валентина нагнула голову, ее плечи напряглись.

– Валентина.

– То, что я сказала в гостиной, правда, – тихо призналась она, глядя на меня из-под ресницы. Ее щеки покраснели от смущения.

Я ощутил странное волнение от ее признания, неожиданного и нежеланного.

– Я так и думал, но теперь я спрашиваю, почему?

– Почему тебя так удивляет, что Антонио не хотел меня? Может быть, он не находил меня привлекательной? Очевидно, что нет, иначе ты бы не проводил большинство вечеров в своем кабинете и ночей спиной ко мне. Мы оба знаем, что если бы ты хотел меня, если бы ты вообще находил меня привлекательной, я бы потеряла девственность в нашу брачную ночь.

Желание не было достаточно сильным словом, чтобы описать мои чувства к Валентине. Она была великолепна, элегантна. Я бросил взгляд на ее декольте. Во время нескольких попыток, предпринятых ее с целью соблазнения в первые дни она надела нижнее белье, которое почти сломило мою решимость. Сейчас я был рад, что мое самообладание взяло верх. Если бы я трахнул Валентину тогда, то сделал бы это зло, жестко и быстро. Я бы слишком поздно заметил ее невинность и, возможно, причинил бы ей боль. Это было не то, чего она заслуживала. И все же я знал, что она никогда не получит того, чего хотела бы в свой первый раз.

– Думал, мы договорились о том, что я не буду тебя при-

нуждать, – бросил я.

Грудь Валентины вздымалась, и она покраснела еще больше.

– Но тебе не придется принуждать меня. Ты мой муж, и я хочу быть с тобой. Я уже несколько дней практически бросаюсь на тебя, а ты даже не замечаешь моего тела. Если бы я показалась тебе привлекательной, ты бы хоть как-то отреагировал. Наверное, мне просто повезло, что я всегда попадаю к мужьям, которые считают меня непривлекательной.

Злость переполняла меня. Я рассердился на себя за то, что я не способен сделать то, что должен был сделать в нашу брачную ночь.

– Ты не отталкиваешь меня. Поверь мне, я считаю тебя привлекательной.

Брови Валентины приподнялись. Как она могла поверить, что я не хочу ее? Большую часть моих проклятых мыслей в эти дни занимали фантазии о том, как я овладеваю ее киской и ртом. Я шагнул ближе к ней, стараясь не обращать внимания на то, как мое тело кричало мне о том, что я должен сделать ее своей.

– Я хочу. Не сомневайся в моих словах. Всякий раз, когда я вижу белую кожу твоих бедер...

Я погладил нежную кожу ее бедра, чувствуя, как она покрылась мурашками. Она была теплой, мягкой и моей. На лице Валентины промелькнул шок, а затем желание, вызывающее к той стороне моей натуры, которую я изо всех сил

старался подавить.

– Или, когда я вижу очертания твоих грудей через те лоскуты ткани, которые ты надеваешь в постель, – продолжал я, не в силах перестать прикасаться к выпуклостям Валентины. – Я хочу бросить тебя на нашу кровать и раствориться в тебе.

Я быстро убрал руку, подавляя нахлынувшее желание.

– Правда? Тогда почему...

Я прижал палец к губам Валентины, заставляя ее замолчать. Ощущение ее горячего дыхания на моей коже породило образ моего члена у нее во рту. Это была проигранная битва, я знал это, знал уже давно.

– Теперь моя очередь задавать вопросы, и ты обещаешь не лгать.

Она слабо кивнула, в ее глазах плескалось беспокойство.

– Почему Антонио не спал с тобой?

Валентина была женщиной, перед которой мало кто мог устоять. Я видел, как многие мои солдаты смотрели на нее, когда им казалось, что я не слежу за ними.

– Я обещала ему никому и никогда не рассказывать об этом.

– Антонио мертв, – сказал я. Мне было неприятно, что она предпочла верность своему мертвому мужу верности мне, но я знал, что поступаю лицемерно. – Теперь я твой муж, и твоя клятва мне важнее.

Она снова отвела взгляд.

– Валентина?

– Антонио был геем.

Я был шокирован. Я всегда гордился тем, что хорошо разбираюсь в людях. А Антонио никогда не вел себя так, чтобы можно было подумать, что он предпочитает мужчин. Конечно, мои солдаты знали, что им лучше скрывать свои наклонности, потому что иначе мне не останется иного выбора, кроме как наказать их.

– Я никогда ничего такого не подозревал. Ты уверена?

Валентина бросила на меня возмущенный взгляд. Как обычно, это рассердило и взволновало меня в равной степени. Очень немногие люди осмеливались проявлять свои истинные чувства в моем присутствии.

– Он иногда приводил домой своего любовника, – сказала она.

– Почему он не переспал с тобой для продолжения рода? Это отвело бы возможные подозрения.

Они были женаты недолго, но в конце концов люди начали бы задаваться вопросом об их бездетности. Так было со мной и Карлой. Я отогнал эту мысль.

– Не думаю, что это сработало бы...

– Он был бесплоден?

На щеках Валентины появился густой румянец, заставивший меня задуматься, почему я все еще сдерживаюсь. Я не был хорошим человеком, и попытки стать им были пустой тратой времени. В конце концов, я бы предъявил на нее свои

права.

– Нет, он как-то упомянул, что не может найти общий язык с женщинами.

Я сосредоточил внимание на Валентине, которой было откровенно неловко, и ее слова заставили меня понять кое-что еще. Она никогда не видела эрекции.

Мне нужно было сосредоточиться на защите Синдиката, а не на природе моего чувства к жене.

– Кто был его любовником?

– Не могу сказать тебе. Пожалуйста, не заставляй меня.

Я внимательно изучал лицо Валентины, касаясь ее плеч, зная, какое воздействие оказывает на нее моя близость.

– Если это кто-то из Синдиката, я должен знать, а если нет... Синдикат превыше всего. Я должен защитить всех тех, кто доверился мне.

– Я не могу сказать тебе. И не скажу. Прости, Данте, но что бы ты ни сделал, я не скажу тебе его имени.

Я не терпел непослушания, даже в своей семье. Карла никогда не перечила мне, она была покорной от природы, но Валентина была другой. Мне хотелось заставить ее подчиниться.

– Ты жила под защитой, Валентина. Мне говорили то же самое самые закаленные мужчины, и в конце концов они выдавали мне все свои секреты.

– Тогда делай то, что должен, – прорычала она и вырвалась из моей хватки.

– Отрежь мне пальцы на ногах и скорми их мне. Бей меня, прижигай, режь, но я лучше умру, чем буду отвечать за смерть невинного человека.

Невинного. Это был не тот термин, который она использовала бы для обозначения мафиози.

– Значит, он чужак.

Выражение лица Валентины было тем ответом, который был мне нужен.

– Я этого не говорила.

– Тебе и не нужно было. Если Антонио приводил своего любовника домой, я предполагаю, что ты встречалась с ним, знаешь его имя и можешь описать мне, как он выглядит.

Валентина подняла подбородок в знак неповиновения. Глубоко в моей груди зашевелилось что-то собственническое и первобытное. Я снова придвинулся ближе, заставляя ее смириться с моим присутствием.

– Разве ты не верна мне? Разве ты не считаешь, что должна рассказать мне правду? Разве ты не считаешь, что это твой долг? Не только потому, что я Дон Синдиката, но и потому, что я твой муж, – сказал я.

Валентина прищурилась. Но не такой реакции я ожидал.

– А ты должен мне достойную брачную ночь. Как мой муж, ты должен заботиться о моих потребностях. Полагаю, нам обоим придется смириться с разочарованием.

К черту все! Проблема была в том, что я хотел трахнуть ее, заставить ее подчиниться, хотел властвовать и обладать

ею. Это было не то, что ей нужно, не то, что должен делать муж, но, блядь, она выкручивала мне яйца. Я никогда не испытывал такого желания с Карлой. Она была такой нежной и покорной, что я никогда не смог бы трахнуть ее так, как хотел трахнуть Валентину. Только с Карлой я занимался любовью.

Я схватил Валентину и рывком притянул ее к себе, так что ее спина оказалась прижатой к моей груди, а ее упругая попка – к моему члену. Я подумывал обхватить ее за шею и нагнуть, подумывал о том, чтобы трахнуть ее сзади прямо здесь. Может быть, тогда она перестанет хотеть, чтобы я стал желанным мужем.

– Я терпеливый охотник, Валентина, – еле слышно произнес я, подавляя свою тьму, свой гнев и печаль. – В конце концов, ты расскажешь мне то, что я хочу знать.

Я провел ладонью по ее боку, чувствуя, как она дрожит от прикосновения, и мой член восстал, вторя ее желанию. Кончиками пальцев коснулся гладкой кожи ее бедра, и Валентина затаила дыхание, отчаянно желая моих прикосновений, но не так отчаянно, как я желал обладать ею. Боже, я хотел владеть этой женщиной!

Я провел рукой по ее бедру, пока не добрался до трусиков. Кружево пропиталось ее соками. Возбуждение Валентины было подобно песне сирены. Она прильнула ко мне, ее дыхание участилось, соски запульсировали под паутинкой ночной рубашки. Она умоляла меня трахнуть ее. Я просунул

палец под ее трусики, подавив стон от ощущения ее влажной, горячей щели. Мой палец провел по ее мягкой плоти, затем проник между ее складок, ощущая их гладкость и влажность Валентины.

– Ты хочешь этого? – прорычал я, в моем голосе сквозило желание. Мне нужно было взять себя в руки, нужно было обуздать его. Нельзя было так просто потерять самообладание.

– Да, – сказала Валентина. Ее голос был хриплым, полным мольбы. Она прижалась своей киской к моей руке, заставляя мой палец скользить по ее отверстию. Я обхватил ее за талию, пресекая ее движения. Ощущение ее тугой киски на кончике моего пальца заставило меня захотеть сменить палец на член.

– Я хочу тебя, Данте.

– Скажи мне то, что я хочу знать.

Я даже не был уверен, что речь все еще идет о том, чтобы выбить информацию из моей жены, потому что я сомневался, что мог прекратить теревить пальцами ее складочки. Дыхание Валентины стало глубже, ее бедра совершали небольшие покачивающие движения, приближаясь к разрядке. Она становилась все более влажной, и мне приходилось заставлять себя продолжать нежные прикосновения, а не трахать ее пальцами, как я фантазировал. Валентина начала дрожать, от возбуждения кончики моих пальцев легко скользили между губами ее киски. Валентина прислонила голову к

моему плечу.

– Разве ты не хочешь меня?

Неужели она не видела? Я хотел трахать ее так сильно, чтобы она не смогла ходить, хотел пролить свою сперму в ее горло, хотел завладеть ею. Взгляд ее зеленых глаз был затуманен потребностью и желанием, и одно это могло бы убедить меня бросить ее на кровать и показать ей, как сильно я ее хочу. Но за явным желанием я уловил ее неуверенность, тревогу, потребность в нежности. Я провел пальцем по ее клитору, потирая его подушечкой пальца, и глаза Валентины расширились от шока, ее идеальные губы приоткрылись, когда она кончила на мою руку. Мой член стал болезненно твердым, когда я наблюдал за тем, как она отдается наслаждению, зная, что я мог бы дать ей гораздо больше, показать ей различные формы удовольствия.

Я хотел Валентину, я никогда не желал женщину так, как ее. И в этом-то и состояла проблема. Она была моей женой. Я дал клятву быть обходиться с ней достойно и я буду хранить ее. Я бы не трахал ее, не тогда, когда она заслуживала любви и нежности. Она моя жена, а не шлюха.

– Я хочу. В этом-то и проблема.

Я отпустил ее, прежде чем сделать что-то, о чем я буду сожалеть, и определенно что-то, о чем будет сожалеть она. Я больше не смотрел на нее, когда выходил из спальни, испытывая острую потребность в дистанции между мной и моей женой.

Я не замедлил шагов, пока не дошел до своего кабинета и не закрыл дверь. Там сразу же направился к бару и приготовил себе крепкий напиток. Как только я поднял стакан с виски, то резко выдохнул и закрыл глаза. Запах Валентины остался на моих пальцах. Сладкий аромат ее возбуждения. Я хотел попробовать его, попробовать ее на вкус. Я выпил виски одним глотком и поставил стакан на место. Мой член упирался в брюки, твердый и сочащийся спермой. Я сопротивлялся желанию подрочить посреди своего кабинета. Я давно не был прыщавым подростком, и даже тогда у меня было больше самообладания, чем сейчас.

Я обошел письменный стол и опустился в кресло, мой взгляд остановился на фотографии в рамке, стоявшей на столе из красного дерева. На фото были мы с Карлой вскоре после нашей свадьбы. Моя грудь сжалась, как всегда, когда я смотрел на эту фотографию. Мной овладело чувство вины. Это чувство редко посещало меня.

Я поклялся Карле, что всегда буду любить ее, всегда буду помнить о ней. Я поклялся в этом на ее смертном одре. Я никогда не хотел больше жениться после ее смерти. Я хотел жить с памятью о ней в сердце.

Люди считали меня воплощением контроля, но это было не так. После смерти Карлы прошло совсем немного времени, прежде чем я нарушил первое обещание, прежде чем я стал искать общества шлюх, которых бы мог хорошенько поиметь. Это был злой, отчаянный трах, способ снять напря-

жение и боль. Я примирился со своей греховной природой, сказал себе, что это не влияет на клятву, которую я дал, потому что эти женщины были всего лишь блядьми. С таким же успехом они могли бы быть резиновыми куклами.

Но с Валентиной все было иначе. Я желал ее, хотел трахнуть, но я уважал ее, не только потому, что она была моей женой, но и за ее ум и хладнокровие. Она была хорошей женщиной. Женщиной, которая заслуживала хорошего мужа. Вздохнув, я открыл ноутбук, решив зарыться в отчетность за прошлый месяц, чтобы отвлечься, и прекрасно понимая, что это не будет работать для меня вечно.

Было уже далеко за полночь, когда я поднялся в спальню. Вместо того чтобы отправиться в ванную, чтобы подготовиться ко сну, я подошел к кровати. Валентина лежала на спине, повернув голову в сторону моей подушки. В слабом свете, проникающем из коридора, ее кожа соблазнительно блестела. Ее длинная нога выглядывала из-под одеяла, и мне захотелось снова провести пальцем по ее гладкой коже, подняться выше и ввести палец в ее киску.

Я повернулся, схватил пижаму и вышел из спальни. Будет лучше, если я проведу ночь в своем кабинете, лишь бы желание не овладело мной еще больше.

Часть третья

Данте

Мои мысли занимала Валентина, ее признание. Я выбрал замужнюю женщину, потому что не хотел обременять себя необходимостью быть с девственницей, потому что знал, что не смогу стать тем, кто нужен неопытной женщине. Нежным любовником, который держал бы ее в своих объятиях, шепча ей на ухо слова обожания.

Мужчина, способный на такие вещи, умер тогда вместе с Карлой. И все же этот человек существовал только благодаря Карле.

Быть нежным или любящим было не в моей натуре, сейчас я был склонен к этому даже меньше, чем когда-либо. И все же развращенная часть меня, та часть, которую я прятал за дорогими костюмами и маской тотального контроля, радовалась знанию о неосознанности Валентины. Эта часть меня хотела заявить на нее свои права.

Я боролся с этим желанием, сохранял внешний контроль, хотя знал, что это заведомо проигрышная битва. Я хотел Валентину, хотел ее, как большинство мужчин хотели бы женщину такой красоты и уровня неопытности. Хотел владеть ею и развратить ее. У меня не было женщины с тех пор, как я женился на Валентине, да и до этого мои визиты к шлюхам были нечастыми. Мое тело кричало о разрядке, и не только

от желания, но и от сдерживаемого гнева, кипевшего в моих жилах.

Но Валентина была моей женой и заслуживала большего, чем секс в порыве гнева. Я знал, что не смогу дать ей большего.

На следующее утро после двух чашек черного кофе я снова спрятался в своем кабинете. Я никогда не избегал кого-то. Это было мне не свойственно. Я был хорошо в конфликтах.

Я бросил взгляд на рамку с фотографией Карлы. Я схватил ее. В последние несколько дней все меньше моих ночей были наполнены воспоминаниями ее последнего вздоха. Вместо этого мои ночи были заняты фантазиями о том, как я сделаю Валентину своей.

Валентина открыла дверь. Я быстро опустил рамку.

– Что ты здесь делаешь? – В моем голосе звучали металлические нотки.

Валентина замерла на мгновение, прежде чем расправить плечи.

– Это и мой дом тоже, не так ли?

– Конечно, но это мой кабинет, и мне нужно работать.

– Ты всегда работаешь. Я хотела узнать, все ли у тебя в порядке.

– Почему собственно должно быть иначе.

– Почему? Потому что вчера ты вел себя очень странно. То ты прикасался ко мне, то тут же отстранялся.

Если бы она только знала!

– Ты ничего обо мне не знаешь, Валентина.

– Я знаю и хочу изменить это, но ты продолжаешь отталкивать меня.

Я снова перевел взгляд на лицо Карлы.

– Я никогда не хотел снова связывать себя узами брака. И на то у меня есть веская причина.

– Я не просила тебя жениться на мне! – огрызнулась Валентина, удивив меня своим гневом, таким безудержным и таким возбуждающим.

Она развернулась на каблуках и выбежала из кабинета, хлопнув дверь с такой силой, что с полки упала книга. Как азартный охотник, я погнался за ней и схватил ее за запястье.

– У тебя скверный характер.

Она сощурилась на меня, и, черт возьми, мне захотелось вонзить в нее свой член прямо тут – посреди коридора.

– Это по твоей вине.

– Наш брак был заключен чисто из практических соображений. Я уже говорил тебе об этом.

– Но это не значит, что мы не можем попытаться сделать его настоящим браком. Нет никаких логических причин, почему мы не должны спать друг с другом. Ты спал с проститутками, так почему ты не можешь спать со мной?

Ее глаза были полны смущением и обидой. Валентина была молода и в некотором смысле наивна, даже если часто притворялась искушенной.

– Потому что я был зол и хотел кого-нибудь трахнуть. Я

хотел сделать это грубо и жестко. Я не искал близости, или нежности, или чего ты там еще хочешь. Я получал удовольствие, в той форме, в которой этого хотел, а потом просто уходил. Я не могу тебе дать то, чего ты так страстно желаешь. Та часть, которая была способна на это, умерла вместе с моей женой, и она не вернется.

Валентина придвинулась ближе.

– Ты не знаешь, чего я хочу. Может быть, мы оба хотим одного и того же.

– Я вижу по твоему взгляду, что это не так. Ты хочешь заниматься любовью, но я не могу дать тебе этого. Я хочу обладать тобой, хочу владеть каждой твоей частичкой, но не по тем причинам, по которым ты того хочешь. Я бессердечный ублюдок, Валентина. Не пытайся увидеть во мне кого-то другого. Деловой костюм и бесстрастное выражение лица – это тонкий слой, под которым скрывается чертова бездна. Не пытайся заглянуть под него – тебе не понравится то, что ты там найдешь.

Я отпустил ее и вернулся в свой кабинет.

* * *

После нашего спора о работе не могло быть и речи. Я мог думать только о Валентине.

Когда около обеда раздался стук в дверь, я ожидал, что Валентина спросит, буду ли я ужинать с ней. Как только я

открыл дверь, я понял, что она пришла не за этим. На ней не было ничего, кроме тонкого шелка халата.

– Могу я войти?

Я отступил назад и подошел к столу, подальше от жены, хотя все внутри меня кричало, чтобы я сорвал последнюю преграду, отделявшую ее тело от меня. Смягчив свое выражение лица, я спросил:

– Что происходит?

– Я приняла решение.

– Относительно чего?

Валентина расстегнула халат, обнажив тело, представ передо мной прямо как из моих самых мрачных фантазий. Валентина была высокой и стройной, с соблазнительно покатыми бедрами. Небольшой треугольник темных волос прикрывал ее киску.

– Относительно нас. Относительного нашего секса.

Мой член напрягся, но я отвел взгляд.

– Тебе лучше уйти.

– Не поворачивайся ко мне спиной. Посмотри на меня. Думаю, я заслуживаю хотя бы этой маленькой поблажки, Данте.

Она ничего не знала.

– Я твоя жена?

– Естественно, да.

В чем и была часть проблемы. Если бы она была любой женщиной, я бы уже трахнул ее.

– Тогда заяви на меня свои права, Данте! Сделай меня своей.

Я посмотрел на ее соски, представляя, как я пробую их на вкус, посасываю их, пока вхожу в нее.

– У меня тоже есть потребности. Ты бы предпочел, чтобы я нашла любовника, который избавил бы тебя от необходимости касаться меня?

Меня уколола ревность.

– Нет, – прорычал я, придвигаясь ближе к жене. Потребность обладать ею переполняла меня, ее почти невозможно было подавить.

Валентина прижалась своим обнаженным телом к моему. Я схватил ее, касаясь горячей кожи ее спины. Желание в ее глазах было тихим ручейком по сравнению с бушующим цунами моего голода к ней. Валентина приподнялась, чтобы поцеловать меня, но я не наклонился к ней.

Обиженная, она отпрянула и выбежала из моего кабинета.

Часть четвертая

Данте

Она не заслуживала этого. Я посмотрел вниз на свой кулак с побелевшими костяшками, потом на выпуклость в штанах. Кого, блядь, я обманывал? Я не был хорошим человеком. Я мог взять все, что хотел, так почему я лишал себя этого, когда Валентина была готова? Я хотел ее, а Валентина хотела меня. Я всегда гордился своей способностью к самоконтролю, так почему же я так боялся потерять его, будучи рядом с ней?

Не раздумывая, я отправился на поиски своей жены. Я все еще не был уверен, что буду делать, когда увижу ее, прислушаюсь ли я, наконец, к ревущему голосу в моем теле, требующему, чтобы я взял ее.

Я открыл дверь спальни и обнаружил Валентину на кровати. Ее халат был распахнут, ноги слегка раздвинуты, изящные длинные пальцы поглаживали ее киску. Она издала стон, который я прочувствовал каждой клеточкой своего тела, и вдохнул, понимая, что битва, которую я вел последние несколько недель, проиграна.

Бесполезно пытаться остановить то, чего остановить нельзя. Сегодня вечером я сделаю ее своей.

Глаза Валентины распахнулись. В ее взгляде был шок. Она отдернула руку, закрылась халатом и попыталась встать

с кровати.

Я, не задумываясь, двинулся, преграждая ей путь. Она потрясенно смотрела на меня, ее пальцы все еще сжимали халат, лишая меня вида ее великолепного тела.

– Нет! – вырвалось у меня.

Я нагнулся над ней, заставляя ее отступить, и она уступила, легла и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. От нее восхитительно пахло, и наконец ее рука отпустила халат, позволяя ему распахнуться, обнажая ее тело передо мной. Я наклонился ниже. Эта женщина была моей, каждый дюйм ее кожи. Скоро утону в ней.

Я коленом раздвинул ноги Валентины. Ее складочки блеснули от возбуждения, и на секунду мне захотелось расстегнуть молнию на брюках и взять ее прямо сейчас. Может быть, тогда она поймет, что я за тип.

Я обхватил ее грудь, чувствуя, как сосок твердеет на моей ладони. Валентина была так чертовски отзывчива, так готова к тому, чтобы ее взяли! Я ущипнул ее за сосок, предупреждая и обещая, пытаюсь понять, действительно ли она сможет принять то, что получит в итоге. Понимает ли она, что мы не будем заниматься любовью, что я предъявляю свои права, вырываю у нее невинность. Валентина выгнулась со стоном, и я растерялся. Я потянул ее за сосок, заставляя ее стонать еще сильнее. Она пристально смотрела на меня глазами, полными удивления и жажды. Она покачивала бедрами при каждом движении соска. Это заводило ее, делало

влажной. Было очевидно, насколько невинным было ее тело, как охотно она отдавалась удовольствию. Я бы многое ей показал. Ее сосок покраснел от моих ласк, и я больше не мог сопротивляться. Я наклонился и втянул шелковистый узелок в рот, наслаждаясь тем, как он напрягся от возбуждения.

Валентина выгибалась, требуя большего, требуя, чтобы я дал ей то, что ей нужно. Но она должна была усвоить, что мы играем только по моим правилам. Я схватил ее за бедра и вдавил в кровать. Она прижалась своей киской к моему колену, и я еще крепче сжал ее. Ее горячий центр, упирающийся в мое колено, заставил меня захотеть действовать быстрее.

В знак предупреждения я прикусил зубами ее сосок, и Валентина застонала, снова прижавшись ко мне своей киской.

Я сосредоточился на выражении ее лица, на невинной капитуляции. Она подчинилась, доверилась мне. Я потянулся к ее колену и шире раздвинул ее ноги. Сопротивления не последовало. Ее тело было готово, и она выглядела более чем готовой, но я заставил себя сказать:

– Скажи мне сейчас же, хочешь ли ты этого.

Грудь Валентины вздымалась. В ее глазах мелькнуло осознание того, что сейчас произойдет. Я наполовину надеялся, наполовину боялся, что ее ответом будет твердое «нет».

– Я хочу этого.

– Хорошо.

Переключился на другой сосок, дразня его языком, пока

мои пальцы нащупывали его сочащийся влагой центр. Я надавил на ее клитор, и Валентина взорвалась сразу, вскрикнув и задрожав. Она была такой чертовски мокрой, такой теплой, и звуки, слетающие с ее губ, заставляли мой член реагировать. Она была как фейерверк. Валентина с вызовом посмотрела на мен. О, как бы я хотел заставить ее покориться мне в постели!

Я опустил пальцы ниже, пока они не коснулись ее отверстия, а затем начал входить в нее. Она была невероятно тугой, и на ее красивом лице промелькнуло чувство дискомфорта. Я продолжал толкаться в нее, пока мои пальцы не погрузились в нее полностью, затем я заставил себя выждать мгновение, пока она не привыкнет к ощущениям, даже если это было последнее, чего я хотел.

В тот момент, когда ее стенки расслабились, я начал осторожно трахать ее, давая ей время растянуться и подготовиться к тому, что должно было произойти дальше.

– Ты невероятно тугая. Я не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя.

Я едва узнавал свой собственный голос, настолько он был пронизан желанием. Валентина кончила снова, и я едва сдержал стон.

Я вытащил из нее пальцы. Они были скользкими от ее возбуждения. Она была готова принять меня. Она должна была быть готова, потому что я больше не мог сдерживаться. Да я и не хотел.

Я сбросил пиджак, прежде чем расстегнуть ремень.

– У тебя встал, – удивленно констатировала Валентина, глядя на мои оттопыренные брюки.

– У меня и правда встает. Я же не импотент.

Ее восхищенный взгляд чуть не рассмешил меня, и я был рад словам Валентины, потому что они напомнили мне, что она молодая женщина, моя жена, которая заслуживает той нежности, на которую я только способен.

– Я не это имела в виду. Но я думала, что тебя не привлекает мое тело, – призналась она.

Как она могла все еще верить в эту чушь? Это опасное заблуждение.

– Не волнуйся об этом. Твое тело мало кого оставит равнодушным.

Я избавился от брюк и боксеров. Прошло почти два месяца с тех пор, как я был с женщиной, и я не мог больше ждать, не сейчас, когда Валентина лежала передо мной с раздвинутыми ногами, ожидая, когда я смогу заклеить ее своей.

– Приподнимись, – приказал я, хотя и понимал, что должен быть более мягким, но я предупреждал ее.

Я слегка толкнулся своим кончиком внутрь ее щели, подавив стон от ее горячего возбуждения. Ее стенки плотно обхватили меня, когда я начал проталкиваться внутрь. Валентина напряглась еще больше и вскрикнула от боли. Несмотря на мой непреодолимый голод и яростную пульсацию члена, крик от испытанного ею дискомфорта был сигналом для

меня. Этот звук еще раз напомнил мне, что я за нее в ответе. Я остановился, ожидая, когда Валентина расслабится, когда подаст знак, что может принять всего меня. Она заглянула мне в глаза. В ее взгляде проскальзывала нервозность, но и доверие. Она схватила меня за плечи и кивнула. Ее разрешение было мне так необходимо.

Я вошел до конца одним резким движением. Валентина прижалась ко мне, ее губы вытянулись в тонкую линию от сдерживаемой боли.

Удовольствие пульсировало во мне. Я не мог вспомнить, когда я испытывал нечто подобное – если вообще испытывал.

– Скажи мне, когда мне можно двигаться.

– Мне комфортно.

Я начал медленно трахать ее. Каждый толчок приближал меня к разрядке. При взгляде на ошеломленное и покрытое каплями пота лицо Валентины удовольствие лишь нарастало. Первобытное удовлетворение от того, что я первый вошел в нее, переполняло меня. Это должен был быть просто трах, но, когда я взглянул на женщину под собой, мне показалось, что это нечто большее, чем просто долгожданная разрядка. Поддавшись импульсу, я поцеловал Валентину, когда кончил. На мгновение я позволил себе потеряться в ее вкусе, закрыв глаза. Когда я открыл их и увидел выражение лица Валентины, то быстро отстранился. Я не хотел, чтобы она надеялась на то, чего я не мог ей дать.

Убедившись, что с ней все в порядке, я вышел из комнаты, не взглянув на ее, несомненно, обиженное лицо.

Было бесчестно с моей стороны оставить жену вот так после нашего первого раза вместе, после ее первого раза, но степень моей вины и одновременно растерянности заставили меня бежать в поисках уединения. Мне нужно было время подумать и успокоиться.

Зита бросила на меня любопытный взгляд, когда я проходил мимо нее, направляясь в свой кабинет.

Как только за мной закрылась дверь, я, пошатываясь, подошел к своему столу и опустился в кресло. Мой взгляд упал на фотографию Карлы. Вина с новой силой накрыла меня. Проведя пальцами по волосам, я отложил рамку, не в силах выдержать взгляд моей покойной жены.

К вине за предательство Карлы примешивалась еще одна эмоция: вина за то, как я обращался с Валентиной. Она не сделала ничего плохого. Воспоминание о том, как она отдалась мне всего несколько минут назад, камнем легло мне на грудь. Я опустился обратно в кресло.

Будучи рациональным человеком, я понимал, что неразумно чувствовать себя обязанным мертвой женщине, когда рядом со мной есть живая, глубоко чувствующая женщина, о которой я должен заботиться. И все же я разрывался между настоящим и прошлым.

Я поднял рамку, открыл ящик стола, на мгновение заколебался, прежде чем, наконец, положил ее внутрь и закрыл

ящик.

Это не могло заставить прошлое замолчать. Мои пальцы задержались на ручке. Вздохнув, я откинулся назад и закрыл глаза.

Часть пятая

Данте

На следующий день я встретился с Джованни, Рокко и отцом в особняке Скудери на нашем еженедельном собрании по рабочим вопросам. Отец посмотрел на меня, сощурившись, когда я вошел. С тех пор как я женился, он стал следить за мной еще пристальнее. Я не был уверен, чего он ждал. Я пожал руку Рокко.

– Как тебе семейная жизнь?

Я натянуто улыбнулся и ничего не ответил. Мой брак их не касался. Затем я повернулся к Джованни.

– Как Вэл? – тихо поинтересовался он.

В его взгляде мелькнуло беспокойство. На его вопрос было трудно ответить. Валентина была недовольна нынешним положением дел, и прошлая ночь ничего не изменила. Она хотела близости на эмоциональном уровне. Но она была умной женщиной. То, что она попросила меня устроить ее на работу, говорит об этом. Но даже работа не могла полностью заглушить несчастье Валентины. Тем не менее, я должен был признать, что мое предложение взять ее на должность менеджера в казино было подстегнуто надеждой на то, что она будет слишком занята, чтобы размышлять о нашей эмоциональной отчужденности. Это казалось единственным способом гарантировать ее счастье, а я хотел, чтобы она была

счастлива.

– У нее все хорошо. Она хочет выйти на работу.

Удивление было написано на лице Джованни. Я пересек комнату и подошел ближе к отцу, который не вставал со своего кресла.

– Полагаю, ты не позволил ей таких глупостей, – проворчал он.

Рокко указал на кресло рядом с креслом моего отца, но я покачал головой, предпочитая более высокую точку обзора при общении со стариком. Рокко опустился, за ним свое место занял Джованни, ожидая моего ответа.

– Я предложил ей поработать в одном из наших подпольных казино.

– В том, что рядом с клубом «Палермо»? – догадался Рокко. Я только недавно укокошил предыдущего управляющего, потому что он имел наглость обкрадывать Синдикат.

– Да.

– Раффаэле и Леонардо это не понравится. Что она вообще должна делать? Не думаю, что ты хочешь, чтобы она занимала должность хостес, – пробормотал отец, приглаживая седые волосы.

Я, сощурившись, посмотрел на него. Лицо Джованни покраснело от гнева, он сжал руку на колене.

– Я ожидаю, что все будут проявлять уважение к моей жене, в том числе и ты, отец, – еле слышно произнес я. Многих в Синдикате оскорбила бы сама мысль о том, что жена До-

на работает, особенно на такой важной должности. Это было оптимальное решение для Валентины.

В глазах отца вспыхнул гнев, но теперь я был главой Синдиката. Хотя он по-прежнему пользовался большим уважением среди наших людей, они считали меня более способным лидером, и так было уже много лет. Отец был стар. Ему пора было умирать. К сожалению, он цеплялся за жизнь, как и все наркоманы.

Засунув руки в карманы, я небрежно сказал:

– Она будет управляющей казино.

– Это просто смешно, – бросил отец, покачав головой. – Ни Леонардо, ни Раффаэле не будут слушаться приказов женщины.

Выражение лица Рокко было сложно прочесть, но я подзревал, что он разделяет мнение отца. Однако он был слишком умен, чтобы не занять мою сторону, и всегда пытался убедить моих людей в моей точке зрения, даже если не соглашался. Он был оппортунистом до мозга костей, что было полезно и ужасно одновременно.

Отец обратился к Рокко, как я и ожидал.

– Ты не можешь согласиться с решением Данте.

Рокко натянуто улыбнулся.

– Я доверяю своему Дону, он сделает то, что посчитает лучшим выбором.

Отец поджал губы.

Я предпочитал термин «Дон», но отец предпочитал сло-

во «Босс». То, как тонко он использовал слово «Дон» ясно показало, на чьей стороне Рокко. На моей. То, что я позволил ему жить, оказалось полезным во многих отношениях на протяжении долгих лет. Он едва заметно кивнул мне, его взгляд при этом напоминал взгляд преданного пса, ожидающего угощения.

Отец повернулся к Джованни, который, как и Рокко, знал, что лучше не демонстрировать свои чувства открыто.

– Вы не можете хотеть, чтобы ваша дочь работала. Это неприлично.

– Если это то, что делает Вэл счастливой, и если Данте согласен на это, то я не вижу причин оспаривать данное решение. Она все равно перестанет работать, когда родит детей.

Я напрягся. Рождение детей было ожидаемо, особенно сейчас, когда мне было уже за тридцать, а мой первый брак оказался бездетным. При этом я боролся с нахлынувшим потоком гнева и печали.

Отец мрачно кивнул.

– Когда бы это ни произошло, я уверен, что Данте все предусмотрел.

Произнеся эти слова, он замолчал. Быть может, он наконец понял, что дни его власти закончились. Мое слово теперь было законом. Но он все равно неоднократно высказывал мне свое мнение по этому вопросу.

После того, как встреча закончилась, я отозвал отца в сторону.

– Думаю, тебе пора полностью отойти от дел и перестать присутствовать на встречах с моими людьми. Твое присутствие подрывает мой авторитет, а этого я позволить не могу.

– Позволить? – резко повторил отец. Он пристально уставился на меня своим старческим взглядом, но в конце концов, просто отвернулся.

– Очень хорошо. Если это то, чего ты действительно хочешь.

– Да, – твердо сказал я.

Я вернулся к машине, но не успел завести двигатель, как зазвонил телефон. Мама.

– Что я могу для тебя сделать?

– Слышала, ты разрешил своей жене работать?

Ей, конечно же, сообщил об этом отец.

– Да.

– Это приведет к скандалу, Данте. Ты уже оскорбил многих людей, взяв в жены вдову. Почему ты вознамерился еще и разбить мне сердце? Подумай о Синдикате!

Ее театральное представление разозлило меня. Ее слова вернули мои мысли к Валентине и нашей последней ночи. Воспоминания были дразнящими. Это было неуместно при разговоре с матерью.

– Мама, я веду Синдикат в будущее. Вешаю трубку. У меня дела.

Она издала картинный смешок, но меня нельзя провести ее фальшивыми уловками. Я закончил разговор. Во время

поездки домой мой телефон снова пикинул. Бросив взгляд вниз, я увидел сообщение от Инес.

«Я горжусь тобой».

Мой рот дернулся.

* * *

Позволить Валентине работать было мне на руку. Она была занята, и у нее было меньше времени искать моего общества. Как я и ожидал, с прошлым было нелегко покончить. Днем я избегал близости Валентины, насколько это было возможно, но ночью мое желание всегда брало верх. Я никогда еще не был так необуздан, так не властен над своими потребностями. Валентина не осознавала своей власти надо мной, и не только ночью. Даже днем я ловил себя на том, что думаю о ней. Что-то в том, как она настаивала на том, чтобы раздвинуть мои границы, интриговало меня.

Но пока я хранил фотографию Карлы в ящике стола, воспоминания о ней не покидали меня. Их нелегко было отбросить, да я и не хотел этого.

В последующие несколько недель Валентина была полезной в казино и становилась все более смелой любовницей в постели. Наши отношения постепенно превращались в рутинные, что меня вполне устраивало, но явно беспокоило Валентину. Я делал вид, что не замечаю ее недовольства, потому что это позволяло мне не обращать внимания на соб-

ственное недовольство собой. Часть меня хотела подготовить Валентину для чего-то большего, чем просто секс, но моя упрямая натура все еще велела мне следовать обещанию, которое я никогда не должен был давать.

Пытаясь тонко намекнуть Валентине, что я ценю ее, я пошел к нашему семейному ювелиру и заказал у него ожерелье с изумрудами. Несколько вариантов были представлены у него на витрине. Поскольку почти все мужчины из Синдиката покупали там украшения для своих жен, а иногда и любовниц, у него всегда был большой выбор.

Я выбрал то, которое было под цвет глаз Валентины. Несмотря на ее потрясающее тело, ее глаза будоражили меня больше, чем изгибы тела.

Когда я возвращался домой, позвонил Томмазо. Я взял трубку, поджав губы. Он был рудиментом времен правления моего отца, отвратительной типом, которые попусту копят землю. К сожалению, он не принимал личного участия в разборках и перестрелках и не было никакой надежды на то, что он получит пулю от Братвы.

– Да? – ответил я.

– Извини за беспокойство, Данте. Моя жена у тебя дома? Твоя жена забрала ее без моего разрешения.

– Моей жене нужно лишь мое разрешение, а не ваше, – сказал я низким голосом.

Томмазо прочистил горло.

– Конечно. Но Бибиана – моя жена.

– Я уверен, что Валентина решила выпить с ней чашечку кофе.

– Буду благодарен, если перезвонишь мне, как только что-то узнаешь.

– Посмотрю, что можно сделать.

Я повесил трубку.

Когда я подъехал к дому, Энцо уже ждал меня.

– Она взяла машину, но села за руль сама? – догадался я.

Он тревожно кивнул.

– Она уехала прежде, чем мы успели что-то предпринять.

Я вошел в дом и, как и ожидал, застал Бибиану и Валентину в прихожей. Валентина закрыла свою подругу от моего взгляда, как будто боялась, что я причиню ей боль. Бибиана и так была несчастной женщиной. Ей точно не нужно было меня бояться.

– Добрый вечер, Бибиана.

Она побоялась посмотреть мне прямо в глаза.

– Добрый вечер.

Ее лицо и руки были покрыты синяками. Это была судьба, от которой я защитил Инес. Если бы она вышла замуж за Якопо, она стала бы призрачной тенью той женщины, которой являлась сейчас. Была бы такой же, как Бибиана. Мне нужно было обдумать варианты, как избавиться от Томмазо в какой-то подходящий момент.

Сообщив Томмазо, что его жена проведет здесь некоторое время, я удалился в свой кабинет, чтобы дать Валентине и

Бибиане немного времени.

Я опустился в свое кресло и повертел в руках маленькую атласную коробочку. Подарок на День Святого Валентина всегда приводил женщин в восторг. Так было и с Карлой. Она всегда хмурилась и плакала, когда я дарил ей что-то. Вздыхнув, я положил коробку на стол. Мой взгляд метнулся к ящику, где я хранил фото в рамке. Я противился тому, чтобы посмотреть на нее сегодня.

Вместо того чтобы поддаться желанию утонуть в прошлом, я взял телефон и набрал номер Пьетро.

– Данте, какой приятный сюрприз.

– Привет, Пьетро.

Я открыл коробку и уставился на изумрудный кулон. Цвет глаз Валентины... Боже, эти глаза!

– Что-то случилось?

– Как дела у Инес?

– Растет с каждым днем, – сказал он с легким смешком, полным нежности, отчего мое сердце заколотилось в груди. – Осталось ждать два месяца.

Он замолчал.

– Как у вас дела с Валентиной?

Его голос был осторожным. Он знал, как неохотно я делюсь любыми подробностями из личной жизни.

– Дела идут хорошо, – уклончиво ответил я. – Полагаю, что слухи о ее новой работе уже распространяются.

Пьетро рассмеялся.

– А чего ты ожидал? Это впервые, когда жена Дона работает. До сих пор даже жены замов всегда сидели дома.

– Валентина рвется работать, и у нее есть лидерские качества.

– Тебе придется очень долго убеждать в этом всех в Синдикате, ты это понимаешь?

– Понимаю, но мне также не придется объяснять свои решения. Синдикат находится под моей властью.

Но все было не так просто. Мне нужна была поддержка моих замов и Капитанов, поэтому я должен был действовать осторожно, особенно в том, что так или иначе затрагивало заведенный у нас уклад.

– Как идут дела в Миннеаполисе?

Пьетро поспешил быстро сменить тему. Я никогда не жалел о своем решении поддержать его в стремлении жениться на Инес, и он был одним из немногих мужчин, которым я доверял. Я закрыл коробку с кулоном, не зная, стоит ли дарить его Валентине.

* * *

Валентина еще спала, когда я встал. Как обычно, ее лицо было повернуто ко мне, великолепное во сне и без малейшей косметики. Она заслуживала большего, чем я ей давал. Это была истина, которую я знал без тени сомнения. Я положил коробку с кулоном и запиской рядом с ней и ушел.

Мне предстоял напряженный день. Мой зам из Детройта был в городе, и мы хотели обсудить его проблемы с Братвой.

Позже в тот же день я собирался посмотреть, как идут дела у Валентины в казино. Лео и Раффаэле все еще нуждались в моих четких указаниях. Их нежелание работать под началом женщины было весьма очевидным. Мой телефон зазвонил, когда я был всего в одном квартале от нужного места.

– Энцо, в чем дело?

– У нас проблема. Валентина только что ушла из казино, никому ничего не сказав, и встречается с неизвестным мужчиной.

Ярость и ревность охватили меня. Валентина была наедине с незнакомым мужчиной?

– Я приеду через минуту. Подожди меня.

Энцо уже был на парковке, когда я подъехал. Я не стал терять времени и последовал за ним на склад рядом с нашим казино. Заглянув за угол, я увидел, что Валентина разговаривает с неизвестным мне мужчиной. Он определенно не был одним из моих людей. Он был едва ли выше моей жены, и у него были рыжеватые волосы. Я попытался подавить приступ гнева, вызванный ревностью. Это всепоглощающее чувство собственности было новым для меня. Мы с Энцо подкрались ближе, держась рядом со зданием.

Мужчина схватил Валентину за руку.

– Валентина...

Подавив желание пристрелить мужчину на месте, я отры-

висто бросил:

– Руки прочь.

Валентина с испуганным возгласом обернулась, ее глаза расширились. Мужчина сделал то же самое, но затем попытался убежать. Энцо схватил его и зажал голову.

Я подошел к Валентине и схватил ее за руку. Мне стоило большого труда не выплеснуть на нее свой гнев. Я дал ей много свободы, больше, чем большинство мафиози дают своим женам, а она, похоже, злоупотребляла моим доверием к ней.

Я велел Энцо отвести мужчину на склад, подальше от любопытных глаз, а сам последовал за Валентиной.

– Так вот чем ты занимаешься, когда меня нет рядом? Встречаешься с другими мужчинами? – спросил я грозным голосом.

Валентина была шокирована.

– Нет! Все не так, как ты думаешь.

– Он уже дважды слонялся вокруг дома, – сказал Энцо, а затем хрюкнул, когда парень коленом припечатал ему в пах.

– Объясни, – прорычал я, еще сильнее сжимая руку Валентины, даже когда она вздрогнула.

– Это Фрэнк.

Я ослабил свою хватку на Валентине. В ее глазах мелькнула обида.

– Любовник Антонио.

Энцо посмотрел в мою сторону. Он иногда встречался с

Антонио. В тишине раздался выстрел, и Энцо вздрогнул. Еще одна пуля попала в стену над нами.

Я инстинктивно потянул Валентину за собой и повалился на землю, накрывая жену своим телом и направив пистолет в сторону нападавших. Фрэнк освободился и побежал прочь. Я прицелился в него и нажал на курок, но Валентина толкнула меня в руку. Пуля не попала в цель.

– Валентина! – прорычал я. Фрэнк исчез из виду прежде, чем я успел выстрелить снова. – Что это, блядь, сейчас было? Валентина побледнела и покачала головой.

– Не знаю! Я думала, он был один. Фрэнк даже не знает никого, кто умеет стрелять из пистолета.

– Ты должна была позволить мне застрелить его. Никогда больше так не вмешивайся.

– Он невиновен. Он не заслуживает смерти.

– Чушь. Этот парень устроил ловушку, а ты, блядь, в нее угодила, – пробормотал Энцо.

Я кивнул. Это не было совпадением. Моя жена угодила прямо в чертову ловушку.

Валентина посмотрела на меня.

– Что ты имеешь в виду?

Ей хотелось казаться искушенной и хорошо знакомой с нашими порядками, но в конечном итоге Валентина мало что знала об истинной опасности в жизни мафии.

– А ты не задумывалась, почему он хочет с тобой встретиться? Может быть, к нему обратились русские и он согла-

сился им помочь. Они бы с удовольствием убили тебя.

– Фрэнк бы так не поступил.

Такая доверчивая и наивная! Я не хотел потерять Валентину. Я не мог.

После того, как прибыло подкрепление и они отвезли Энцо к нашему врачу, я отвез Валентину домой.

– Мне очень жаль, – прошептала она мне в машине.

Я ничего не ответил, поглощенный столькими противоречивыми эмоциями, которые мне было трудно сдерживать. Злость на Валентину за неподчинение моему приказу, беспокойство из-за возможности ее потерять и необходимость доказать самому себе, что эта женщина моя. То, что я почувствовал, когда увидел Валентину с Фрэнком, было больше, чем простое чувство собственности, а потом я испытал ужас, когда пуля пролетела всего в нескольких дюймах от головы Валентины...

Я не хотел размышлять о своих эмоциях, по крайней мере, не об этих эмоциях, и сосредоточился на своем гневе на жену.

После нашего приезда домой я сразу направился в нашу спальню, нуждаясь в том, чтобы выплеснуть свою ярость.

– Мне очень жаль, – сказала Валентина, когда мы вошли в комнату, но я не собирался отпускать ее так просто.

Я толкнул Валентину к двери спальни, прижался грудью к ее спине, в который раз используя свою физическую силу против жены, обездвиживая ее. Мой член стал твердым,

ощущая сексуальное тело Валентины, прижатое к моему.

– Почему ты продолжаешь мне перечить, Валентина? – прорычал я. Я задрал ее юбку и уперся своим эрегированным членом в ее задницу. Она задрожала, по ее коже побежали мурашки.

– Я не знаю, – призналась она.

Гнев переполнял меня, но его пересиливал лишь яростный голод, поглощающий все мое существо.

– Неправильный ответ.

Когда я коснулся ее киски, то обнаружил, что Валентина уже влажная. Тогда я вошел в нее двумя пальцами, убедившись, что она готова к яростному траху, которого я так жаждал. И, блядь, она была готова! Она была взбудоражена нашей ссорой, что злило и возбуждало меня одновременно. У нее очень хорошо получалось вызывать во мне противоречивые эмоции.

Я начал трахать ее прямо у двери, не сдерживаясь. Мой гнев вырвался на свободу, когда я взял ее грубо, доминируя над ней, не оставляя ей выбора, кроме как подчиниться моим требованиям, и она подчинилась. Ее стоны вышли из-под контроля, ее киска обхватила мой член, и когда она кончила с криком и откинула голову назад, я не смог удержаться от того, чтобы не поцеловать ее грубо. Я продолжал изливаться в нее, испытывая горячее жгучее удовольствие, с которым никогда не сталкивался раньше, и когда я кончил внутри нее и прижался поцелуем к ее шее, я уже не был уверен в том,

что чувствую.

Часть шестая

Данте

Мой гнев был самым безопасным вариантом, поэтому я сосредоточился на нем и в последующие недели полностью игнорировал Валентину. Это было суровое наказание для нас обоих. Лежать рядом с ней по ночам, вдыхая ее манящий аромат, ощущая тепло ее великолепного тела рядом со своим и не трахать ее было пыткой.

Валентина давала мне личное пространство, и иной раз я хотел, чтобы она этого не делала, хотел, чтобы она попыталась соблазнить меня, как она делала это в самом начале, чтобы я сдался.

Через две недели я проиграл битву с самим собой. Мы с Валентиной только что выключили свет и лежали рядом друг с другом в постели, когда пульсирующее желание в моем члене стало слишком сильным. Я приподнялся на локте.

– Ни слова, – прорычал я.

Валентина задыхалась, когда я спустился по ее телу, стянул трусики и лизнул ее между ног. Она выгнулась навстречу моему рту с придушенным стоном. Я трахал ее языком с таким остервенением, что она кончила через несколько минут. Я не торопился, с нетерпением ожидая большего. Я встал и спустил пижамные штаны.

– Встань на колени, Валентина.

Я услышал шорох, затем она появилась передо мной и опустилась. В темноте комнаты я мог различить только очертания. Обхватив ее за шею, я направил ее к своему ждущему члену. Я не позволил ей ласкать меня, как обычно, я был не в настроении нежничать сегодня. Вместо этого я начал трахать ее рот, позволяя выйти своему гневу. Она задыхалась, когда я доходил до задней стенки ее горла, но не отстранялась. Ее стоны говорили о том, что ей это доставляет ей удовольствие.

– Не прикасайся к себе. Я сам заставлю тебя кончить, – прорычал я.

Она задрожала, и я понял, что она уже потекла. Черт! Эта мысль подхлестнула меня, и я выплеснул свою сперму ей в горло, удерживая ее на месте крепкой хваткой за шею. Я притянул ее к себе, а затем прошептал ей на ухо:

– Я все еще злюсь на тебя. Поэтому сейчас тебе придется лечь спать без второго оргазма.

Она издала небольшой звук протеста.

– Ни слова, Валентина.

– Данте...

– Нет, – прорычал я.

Я натянул штаны и вернулся в постель. Валентина последовала за мной и растянулась рядом, наблюдая за мной в темноте. Она терла ноги друг о друга, явно ища разрядки. И осознание того, какая она будет мокрая, сводило меня с ума.

Не говоря ни слова, я раздвинул ее ноги и ввел в нее два

пальца. Валентина сжалась вокруг меня и со стоном выгнулась дугой. Продолжая держать пальцы внутри нее, я покусывал мочку ее уха.

– Я слишком снисходителен к тебе.

Я вытащил пальцы из нее, наполовину испытывая непреодолимое искушение засунуть их в рот, чтобы снова почувствовать вкус Валентины.

– Могу я попробовать, какая я на вкус?

Мой член дернулся. Я не мог противиться этой женщине.

* * *

В последующие недели я трахал Валентину каждую ночь и вел вежливые, но отстраненные разговоры, хотя мне хотелось большего. Я не мог объяснить притяжение, существовавшее между нами. Эта первобытная связь была новой для меня. Я мог бы справиться с этим, но эмоции по отношению к жене застали меня врасплох. Мне нужен был контроль. Я был мастером по контролю над ситуацией, но рядом с Валентиной я зачастую полностью терял его.

Обстановка в Синдикате была напряженной, поэтому я не мог ни в малейшей степени демонстрировать свою эмоциональную нестабильность. С тех пор как Рокко позвонил мне несколько минут назад и сообщил, что Джианна сбежала, чтобы не выходить замуж за Маттео Витиелло, я как никогда нуждался в ясной голове. Это событие могло разрушить

хрупкий мир с Семей, могло ввергнуть нас в кровавую войну.

Ярость грозила выплеснуться наружу, но, когда Валентина вошла в мой кабинет, ее бледность сразу же отвлекла меня от потрясения. Она выглядела больной. Она чувствовала себя неважно уже некоторое время, но я не обращал на это внимания, решив держаться на расстоянии. Теперь мое беспокойство взяло верх над моей решимостью.

– Ты выглядишь бледной. Ты все еще плохо себя чувствуешь? Может, тебе стоит показаться врачу?

Она покачала головой.

– Нет, я...

Ее глаза расширились, и она бросилась вон из моего кабинета. Я быстро последовал за ней в гостевой туалет. Она нависла над унитазом и быстро смыла воду, когда я вошел внутрь. Она попыталась встать, но покачнулась, и я схватил ее за руку, чтобы она не упала.

– Валентина?

Спотыкаясь, она подошла к раковине и умылась. Пот блеснул на ее лбу. Она выглядела неважно. Неужели мой отказ привел ее в такое слабое состояние?

– Я в порядке.

Она лгала. Я последовал за ней наверх в нашу спальню и коснулся ее талии.

– Ты же знаешь, я ненавижу, когда ты что-то от меня скрываешь. Не хочу, чтобы это вошло в привычку.

Валентина сглотнула и прижала ладонь к животу. Все вокруг словно замерло, когда я понял, что означает этот жест, и внезапно ее постоянное недомогание обрело для меня смысл.

– Я беременна.

Валентина ждала.

Внутри меня бушевал океан. Маленький парусник моей радости от этой новости вскоре был отброшен в сторону грозовыми волнами моей печали, вины и гнева. Мы с Карлой пытались стать родителями. Это было ее самое большое желание, и я не смог осуществить его. Она умерла, так и не поддержав ребенка на руках, так и не испытав радости материнства.

А Валентина забеременела через такой короткий срок. Без борьбы. Без боли в сердце.

– Беременна? – спросил я.

– Да. Мы никогда не предохранялись, так что я не знаю, почему ты так шокирован. Разве наследник не был одной из причин, почему ты женился на мне?

– Это была причина, по которой мой отец хотел, чтобы я снова женился.

– Так ты не хочешь детей?

– Он мой?

Карла заверила меня, что ее врач не нашел у нее никаких патологий. Я же никогда не обращался к врачу.

Шок и острая боль отразились на лице Валентины, когда

она отступила от меня.

– Ответь на мой вопрос.

– Конечно, это твой ребенок. Ты единственный мужчина, с которым я когда-либо спала. Как ты вообще можешь задавать подобный вопрос? Как ты смеешь?

Карла не стала бы мне лгать. У нее не было на это причин. Сомнения терзали меня, и это только еще больше разжигало мою ярость. Я не хотел сомневаться в своей покойной жене.

– Я не слежу за всем, что ты делаешь, и к тому же в казино часто приходят много мужчин, которые не отказались бы провести с тобой ночь. У тебя вошло в привычку все от меня скрывать. Стоит ли мне напоминать тебе о Фрэнке?

– Как ты вообще можешь говорить такое? Я никогда не давала тебе повода так сомневаться во мне. Я верна тебе. Есть разница между тем, чтобы не рассказать тебе о Фрэнке и тем, чтобы изменить тебе.

– Мы с моей первой женой много лет пытались завести ребенка. Так и не получилось. Мы с тобой женаты меньше четырех месяцев, а ты уже беременна.

– Я не знаю, почему ты ведешь себя так, как будто это невозможно. Если твоя первая жена была бесплодна, то это все объясняет. Неужели ты никогда не консультировался с врачом? Или ты думал, что бесплодным был ты?

– Мы никогда не обращались к врачу, чтобы выяснить, почему мы не могли зачать ребенка. Это не твое дело. Я не буду обсуждать с тобой свой первый брак.

– Очень жаль. Мы уже обсуждаем его сейчас. Я знаю, почему ты не хотел ничего выяснять. Ты не хотел знать правду, потому что боялся, что это сделает тебя менее достойным мужчиной, если по твоей вине твоя жена не могла забеременеть. Но теперь мы оба знаем, что в том не было твоей вины. Карла была бесплодна.

Гнев прорвался наружу.

– Я же сказал тебе, что не хочу говорить о Карле.

– Почему нет? Потому что ты все еще любишь ее? Потому что не можешь жить дальше? Мне жаль, что ты потерял Карлу, но теперь я твоя жена.

Валентина была права. В глубине души я знал, что мне нужно перестать цепляться за прошлое, но в этот момент я не мог этого сделать. Злость на себя бурлила, сильнее, чем любая злость на Валентину, которую я испытывал ранее.

– Мне так надоело, что ты обращаешься со мной как со шлюхой. Ты игнорируешь меня днем, а ночью приходишь ко мне за сексом. А теперь ты обвиняешь меня в том, что я тебе изменяю? Иногда мне кажется, что ты специально делаешь мне больно, чтобы держать меня на расстоянии. Когда ты, наконец, начнешь жить дальше? Твоя жена мертва уже четыре года, пора перестать жалеть себя и понять, что жизнь продолжается. Когда ты перестанешь цепляться за память о мертвой женщине и поймешь, что в твоей жизни есть кто-то, кто хочет быть с тобой рядом?

Я направился к ней, взбешенный тем, что она вывалила

это на меня.

– Не смей говорить о ней.

– Она мертва и не вернется, Данте.

Острая боль пронзила мою грудь от ее слов, и мне захотелось крушить все вокруг.

– Прекрати говорить о ней.

В глазах Валентины промелькнул страх. Страх передо мной, ее собственным мужем, но я не мог извиниться, не мог отступить.

Она подняла подбородок.

– Или что? Хочешь ударить меня? Давай. Это не может быть хуже, чем нож, который ты вонзил мне в спину, обвинив меня в том, что я ношу чужого ребенка.

Я был жестоким человеком, в этом не было сомнений, но ударить Валентину было последним, что я когда-либо сделаю.

– Ты так занят тем, что чтишь ее память и защищаешь ее образ в своем воображении, что не понимаешь, как плохо ты обращаешься со мной. Ты потерял свою первую жену не по своей вине, но ты потеряешь меня, потому что не можешь отпустить ее.

Мне следовало бы извиниться, но вместо этого я смотрел, как Валентина покидает нашу спальню.

Часть седьмая

Данте

Мне потребовались недели, чтобы попросить Валентину вернуться в нашу спальню. Извинения так и не прозвучали из моих уст, хотя это было бы правильным поступком. Валентина носила под сердцем моего ребенка, а я не мог признать свою ошибку, не мог попросить у нее прощения, как сделал бы любой хороший муж. Мне до сих пор больно думать, что Карла не сказала мне правду о своем бесплодии. Инес рассказала мне об этом после того, как я в минуту слабости признался ей о ссоре с Валентиной. Карла боялась, что я стану относиться к ней хуже, если узнаю, что она не может забеременеть, не говоря уже о реакции моего отца, если он когда-нибудь услышит об этом.

Несмотря на мои многочисленные недостатки, Валентина вернулась в нашу спальню, борясь за наш брак, делая то, на что я все еще был неспособен, хотя понимал, что она этого заслуживала. Я пытался показать ей свою готовность внести свой вклад, убрав вещи Карлы из старой спальни. Это было похоже на предательство по отношению к ней, но в то же время я чувствовал, как с каждой частичкой Карлы, которую я уносил, с моего сердца будто снимали цепи. Прошное слишком долго властвовало надо мной. Мне нужно было отпустить его. Я не мог потерять Валентину.

Джованни пришел после обеда на нашу еженедельную встречу, но за пятнадцать минут до назначенного времени. Он крепко обнял Валентину, поцеловал ее в щеку и что-то прошептал ей на ухо, что вызвало у нее улыбку, которая померкла, когда она посмотрела на меня.

Чувство вины всегда заставляло меня врасплох, чего не должно было быть, поскольку в последнее время это было обычным чувством, возникавшим, когда я находился рядом с моей женой.

Бросив еще один нежный взгляд на Валентину, Джованни, наконец, направился в мою сторону и последовал за мной в кабинет. Он с трудом сдерживал свое волнение. Как только мы оказались в кабинете, он схватил меня за руку и сжал.

– Поздравляю. Я так рад за вас с Вэл.

Я коротко кивнул. Валентина ожидала от меня именно такой реакции. Но я все еще не мог показать ей, что я чувствую, что я с нетерпением жду, когда у нас с ней будет ребенок.

Наш ребенок. Это была поразительная мысль. Я смирился с тем, что у меня не будет детей, когда Карла заболела. Я никогда не винил ее, хотя она часто чувствовала себя виноватой за то, что не подарила мне наследника, как все ожидали от нее. То, что Валентина так быстро забеременела, было

почти что еще одним предательством. Я не только хотел Валентину, я жаждал ее близости, но она также дала бы мне то, чего не могла дать Карла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.